ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА
Каждый выпускъ 10 коп.

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ

СЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

I

В. А. НИКОЛЬСКІЙ

МОРОЗОВЩИНА

Изданіе
Акц. Общ. Типограф.
Дѣла въ С.Петербургѣ
(«Герольдъ») Складъ: 7 рота, 26.

№ 7 Цѣна 10 коп.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.

Подъ такимъ названіемъ Акціонерное Общество Типограф. Дѣла въ СПб. издаетъ, по образцу извѣстной нѣмецкой „Universal-Bibliotek“, рядъ выдающихся произведеній извѣстныхъ писателей русской и западно-европейской литературы, начиная съ классиковъ и кончая современными представителями новыхъ литературныхъ школъ и направленій. Кромѣ того во „Всеобщую Библіотеку„ войдутъ и популярные труды въ области исторіи и науки.

Задача „Всеобщей Библіотеки“—дать возможность русскому читателю за скромную плату получить то или иное произведеніе всемірной литературы въ строго провѣренной редакціи его текста, въ хорошемъ переводѣ или—для трудовъ слишкомъ громоздкихъ по объему—въ литературномъ изложеніи.

Каждый выпускъ „Всеобщей Библіотеки“ (въ 80—100 страницъ) стоитъ 10 копѣекъ. Болѣе обширные труды будутъ издаваться въ двойныхъ (20 коп.) или въ тройныхъ (30 коп.) выпускахъ.

Въ выпускахъ „Всеобщей Библіотеки“ будутъ напечатаны, между прочимъ:

Русскіе классики.

Богдановичъ. Душенька. (Поэма). **Веневитиновъ** Стихотворенія. **Гоголь.** Сочиненія. **Давыдовъ, Денисъ.** Стихотворенія. **Дельвигъ.** Стихотворенія. **Державинъ.** Сочиненія. **Дмитріевъ, Ив.** Сказки и басни. **Жуковскій.** Сочиненія. **Загоскинъ.** Брынскій лѣсъ. (Романъ). **Капнистъ.** Ябеда. (Комедія). **Карамзинъ.** Сочиненія. **Кольцовъ.** Стихотворенія. **Крыловъ.** Басни. **Лермонтовъ.** Сочиненія. **Марлинскій.** Фрегатъ Надежда. **Одоевскій.** Стихотворенія. **Полежаевъ.** Стихотворенія. **Пушкинъ.** Сочиненія. **Растопчина, граф.** Стихотворенія. **Рылѣевъ.** Думы.—Войнаровскій. **Толстой Л.** Разсказы послѣднихъ лѣтъ. **Фонвизинъ.** Недоросль.—Бригадиръ. **Хемницеръ.** Басни и сказки. **Шевченко.** Стихотворенія.

Иностранные авторы.

Амичисъ. Записки школьника. **Андерсенъ.** Сказки. **Байронъ.** Манфредъ. **Бульверъ.** Кола ди-Ріензи; Послѣдніе дни Помпеи. **Бьернстерне-Бьернсонъ.** Перчатка

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 7.

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ

СЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

В. А. НИКОЛЬСКІЙ.

Морозовщина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Герольдъ", 7 рота, д. 26.
1908.

Настоящее изданіе является однимъ изъ выусковъ отдѣльной серіи «Всеобщей Библіотеки» одъ общимъ названіемъ «Народныя движенія ъ Россіи», въ которую войдутъ очерки и изслѣованія, посвященныя исключительно политичекимъ движеніямъ русскаго народа, начиная съ XVII вѣка.

Матеріалами для настоящаго очерка служили между прочимъ, слѣдующія изданія: Акты Историческіе и Дополненія къ нимъ.—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, томъ IV. — *Азарьинъ, Симонъ.* Книга о чудесахъ преп. Сергія. — *Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.* Московскій бунтъ 23 іюня 1648 г.—*Бѣлокуровъ, С. А.* Разрядныя записи за Смутное время.—*Забѣлинъ, И. Е.* Прямые и кривые въ Смутное время.—*Зерцаловъ, А.* О мятежахъ въ Москвѣ и с. Коломенскомъ въ 1648, 1662 и 1771 г. — *Костомаровъ, Н. И.* Смутное время Московскаго государства.—*Его-же.* Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. Вып. IV. — *Карамзинъ, Н. М.* Исторія государства Россійскаго, т. XII.—*Его-же.* О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. — *Котошихинъ, Г. К.* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.—*Ключевскій, В. О.* Курсъ русской исторіи.—*Латкинъ, М. В.* Земскіе соборы древней Руси.—Лѣтопись о многихъ мятежахъ (1788).—*Майербергъ.* Путешествіе въ Московію.—*Олеарій.* Путешествіе, кн. 3.—*Поповъ, А.* Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей.—*Платоновъ. С .Ѳ.* Очерки по исторіи Смутнаго времени. — *Его-же.* Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 г. и Московскія волненія 1648 г. — Повседневныя дворцовыя записи. — *Соловьевъ, С. М.* Исторія Россіи, кн. II и III.—*Шушеринъ.* Житіе Никона.—*Щербачевъ, Ю. Н.* Датскій архивъ. — *Якубовъ, К.* Россія и Швеція и др

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

(ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ).

Смутное время вписано на страницы нашей исторіи какъ эпоха перваго крутого перелома въ общественной жизни Россіи.

Сложившійся въ теченіи долгихъ вѣковъ и многимъ казавшійся незыблемымъ московскій политико-общественный строй въ началѣ XVII вѣка поколебался въ самомъ основаніи: обнаружилось, что государственный порядокъ былъ построенъ въ полномъ противорѣчіи съ ходомъ историческаго развитія Россіи, что его прочность была лишь кажущейся. Московская политика царскаго періода, рано или поздно, должна была завершиться крупными потрясеніями. Посторонніе наблюдатели-иностранцы предвидѣли это за десятки лѣтъ; быть можетъ предчувствовали близость кризиса и сами русскіе, но не могли или не умѣли задержать его приближенія. Да это было-бы и нелегкою задачей. Только коренная реформа всего государственнаго строя съ верху до низу могла-бы предупредить бѣду. Но реформаторовъ не было; не находилось людей, способныхъ перенести точку опоры государственнаго устройства съ высшихъ общественныхъ слоевъ на низшіе. Именно этого и требовалъ отъ русскаго правительства самый ходъ исторіи, который велъ московскихъ царей, по вѣрному замѣчанію В. О. Ключевскаго, къ народному «демократи-

ческому полновластію». Только черезъ сто лѣтъ явился на Руси человѣкъ, способный на такой крутой поворотъ въ политикѣ — Петръ Великій. Правда, и онъ не внялъ уроку исторіи, не свернулъ на путь «демократическаго полновластія», но это уже иной вопросъ.

Основное явленіе Смутнаго времени — это болѣе или менѣе организованное выступленіе низшихъ общественныхъ слоевъ на защиту своихъ интересовъ. «Въ это время, — читаемъ у И. Е. Забѣлина, — всестороннимъ банкротомъ оказался не народъ, а само правительство, сама правящая и владѣющая власть и въ своей единицѣ, и въ общемъ составѣ своихъ представителей». Народъ былъ живою, дѣйствующею силой въ событіяхъ «московской разрухи», вынесъ на своихъ плечахъ всю ея тяжесть, можно сказать, — вывелъ государство изъ того тупика, въ которой оно попало съ призывомъ поляковъ на московскій престолъ. Съ этой именно стороны — массоваго политическаго выступленія — и интересуетъ насъ, главнымъ образомъ, Смутное время.

Закрѣпощаемое крестьянство было лишено всякой возможности хоть сколько-нибудь повліять на правительственную политику. Жалобы въ массѣ не достигали куда слѣдуетъ, а достигая — не производили никакого дѣйствія, не говоря уже о томъ, что многія жалобы были неисполнимы по существу, ибо шли въ разрѣзъ съ требованіями установившагося государственнаго строя. Идея самозащиты выливалась у населенія въ самой примитивной, наивной формѣ — въ бѣгствѣ на новыя мѣста, подальше отъ помѣщиковъ и приказныхъ и стремленіи какъ-нибудь обмануть власть, не исполнить ея приказаній въ точности, а только показать видъ, что исполняешь. По мѣрѣ того, какъ крѣпостное право слагалось все въ болѣе опредѣленныя формы и расширяло свои цѣпи — бѣгство усиливалось, становилось хронической болѣзнью московской государственности. Правительство пыталось бороться съ бѣгствомъ, но, конечно, безплодно,

такъ какъ борьба эта отнюдь не касалась основной внутренней причины болѣзни, а была направлена исключительно на наружныя ея проявленія. Крестьянскіе побѣги прекратились только тогда, когда не стало главной ихъ причины — крѣпостного права. Но въ описываемую эпоху крѣпостное право только еще слагалось и становилось постепенно одною изъ главнѣйшихъ опоръ всего государственнаго строя. Мысль о возможности уничтоженія его едва-ли приходила и въ голову кому-нибудь въ эту эпоху.

Ширилось крестьянское «расточеніе» — приближался моментъ активныхъ народныхъ выступленій. Одно выростало изъ другого вполнѣ естественнымъ путемъ. Вслѣдствіе увеличенія государственной территоріи, бѣгство за предѣлы Россіи съ каждымъ годомъ становилось все затруднительнѣе. Скопища бѣглыхъ образовывались уже въ самомъ государствѣ, на окраинахъ — въ Малороссіи, на Дону. «Прибѣгавшіе» на окраины великороссы находили тамъ толпы такихъ-же, какъ они, горемыкъ-бѣглецовъ и изгнанниковъ, уже болѣе или менѣе организовавшихся, разработавшихъ и осуществившихъ свои политическіе идеалы, вовсе не похожіе на московскіе. Запорожская сѣчь, съ ея равноправіемъ и выборною «старшиною», не могла не удивлять бѣглецовъ изъ крѣпостной и кабальной Руси. Просторъ, который давала «мать-Сѣчь» своимъ «дѣткамъ», московскимъ бѣглецамъ развѣ снился только; вольное казачество должно было казаться имъ «истинно-райскимъ житіемъ» въ сравненіи съ «московскою приказною правдой». Лучшаго не приходилось и розыскивать.

Вокругъ гостепріимнаго Запорожья, у днѣпровскихъ и донскихъ казаковъ-«черкасовъ» — постепенно, сама собою, стала слагаться народная «освободительная армія». Объединявшая бѣглецовъ стихійная ненависть къ московскимъ порядкамъ и тѣмъ сильнымъ и богатымъ людямъ, на которыхъ они держались, порождала не менѣе стихійное стремленіе — «вывести»

бояръ и помѣщиковъ, «побить» великихъ и сильныхъ. Подобная «программа» вполнѣ удовлетворяла всѣхъ обездоленныхъ. Пострадавшіе видѣли въ ней средство къ отмщенію; корыстолюбивые — путь къ наживѣ; религіозно-настроенные — возможность водворить, наконецъ, на землѣ великую изгнанницу, гуляющую по поднебесью — «правду Божію». Незабытая еще эпоха опричнины — кровавой расправы съ боярами-измѣнниками самого царя — своеобразно освящала стремленія бѣглыхъ: вывести бояръ и самимъ занять ихъ мѣсто у царскаго трона.

Ко всему этому присоединялись и экономическія причины. Бѣглецамъ не было выбора между голодомъ и разбоемъ, въ одиночку или организованными шайками.

Въ 1603 году появились, однако, небывалые еще разбойники: шайка Хлопки Косолапа, дерзко надвигавшаяся на самую Москву уже не съ разбойничьими только угрозами. Косолапъ грозилъ «вывести» и царя и ближнихъ бояръ, и всѣхъ сильныхъ и богатыхъ. Его разбойничья тактика простиралась уже не на отдѣльныхъ богатыхъ лицъ, а на цѣлыя сословія. Это было первое политическое движеніе русскаго народа въ XVII вѣкѣ. Почти подъ самой Москвой уже произошла битва между Косолапомъ и войсками Бориса. Царскіе ратные люди «едва возмогоша» разсѣять шайку, такъ была она велика и сильна.

Едва-ли кто-нибудь изъ русскихъ современниковъ Косолапа увидалъ въ его шайкѣ несомнѣнный плодъ общаго направленія московской политики. Но надвигались новыя болѣе грозныя событія. Голодъ и прекращеніе династіи Рюриковичей замутили всю страну. За отсутствіемъ законныхъ, кровныхъ наслѣдниковъ къ московской коронѣ потянулись руки очень многихъ. Съ головы Бориса Годунова она легко перешла къ Лжедимитрію, а послѣ него съ неменьшею легкостью — и къ Василію Шуйскому. Это никогда невиданное зрѣлище расшевелило всѣ сословія. Страна походила

а пчелиный рой безъ матки... Началась борьба за власть вообще.

Провинціальное мелкое дворянство въ большинствѣ было недовольно вновь избраннымъ на московскій престолъ царемъ родовитыхъ бояръ Василіемъ Шуйскимъ и рѣшилось помѣряться съ нимъ силами, будто-бы во имя воскресшаго Лжедимитрія, а въ дѣйствительности во имя своихъ сословныхъ интересовъ. Во главѣ этого движенія стоялъ одинъ изъ приверженцевъ погибшаго Лжедимитрія I — князь Шаховской, путивльскій воевода. Къ нему и тянулись «вси мятежницы», всѣ возставшіе противъ Василія во имя пока еще невѣдомаго новаго царевича Димитрія. Къ Шаховскому явился и бѣглый холопъ князя Телятевскаго Иванъ Болотниковъ, взявшійся вѣрно служить будущему Димитрію.

Болотниковъ былъ, повидимому, человѣкъ выдающійся. Карамзинъ говоритъ, что онъ жилъ нѣкоторое время въ неволѣ въ Турціи, а затѣмъ въ Венеціи и значитъ являлся человѣкомъ бывалымъ и видавшимъ виды. Шаховской не задумался отдать ему подъ начало отрядъ въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ и не ошибся въ разсчетахъ. Болотниковъ, еще опредѣленнѣе чѣмъ Хлопка Косолапъ, выдвинулъ общественный переворотъ, какъ цѣль движенія противъ Шуйскаго. Болотниковскіе «воровскіе листы» призывали не столько къ политической, сколько къ классовой, общественной борьбѣ. «Вы всѣ боярскіе холопы, — говорилось въ «листахъ» этихъ, — побивайте своихъ бояръ, берите себѣ ихъ женъ и все достояніе ихъ — помѣстья и вотчины! Вы будете людьми знатными; и вы, которыхъ называли шпынями и безыменными убивайте гостей и торговыхъ богатыхъ людей, дѣлите между собой ихъ животы! Вы были последніе — теперь получите боярства, окольничества и воеводства!». И «болотниковцы» усердно выполняли уже эту программу. «Собрахуся боярскіе люди и крестьяне, къ нимъ-же приступаху и украинскіе по-

садскіе люди и стрѣльцы, и казаки, и начаша по градамъ воеводъ имати и сажати по темницамъ, бояръ-же своихъ домы разоряху, и животы грабяху, а женъ ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху», говоритъ лѣтописецъ.

Болотниковъ, вмѣстѣ съ другимъ предводителемъ «воровъ» — Юшкой Беззубцевымъ, повелъ свою сборную рать прямо на Москву. Подъ Кромами онъ встрѣтился съ царскими войсками подъ командой князя Трубецкаго. Послѣ неудачнаго для москвичей боя, «ратные люди дальнихъ городовъ новгородцы и псковичи и лучане и торопчане и замосковныхъ городовъ въ полкахъ быть не похотѣли, видячи, что во всѣхъ украинскихъ городахъ учинилась измѣна и учали изъ полковъ разъѣзжаться по домамъ». Дорога къ Москвѣ была открыта и Болотниковъ двинулся по ней, черезъ Калугу и Алексинъ. Войско его все увеличивалось; съ «ворами» вступили въ союзъ и чисто-дворянскія дружины рязанцевъ, и мелкопомѣстное ополченіе Истомы Пашкова. Новый высланный изъ Москвы отрядъ не могъ задержать движенія «воровъ», ибо ратные люди «были не единомысленны, а воровъ было безчисленное множество». Черезъ Серпуховъ и Коломну «воры» подошли къ самой Москвѣ и стали въ селѣ Коломенскомъ, въ Заборьи и «во многихъ мѣстѣхъ».

Между тѣмъ движеніе за Димитрія разливалось все шире, хотя самъ Димитрій еще и не появлялся. Во имя «воскресшаго царевича» толпы «воровъ» громили боярскія помѣстья, холопы насильничали надъ господами. Зашевелилась и московская чернь...

Осуществленіе болотниковской «программы» естественно должно было напугать представителей имущихъ классовъ. Передъ дворянами всталъ вопросъ — что лучше: быть разореными или убитыми отъ своихъ-же холоповъ или поддержать существующую власть для того, чтобы водворить порядокъ и усмирить возставшую чернь? И на этотъ вопросъ, при всей ненависти къ Шуйскому, не могло быть двухъ

отвѣтовъ. Каковъ-бы ни былъ Шуйскій — власть была въ его рукахъ и одинъ только онъ могъ-бы уничтожить «воровъ».

Дворяне недолго раздумывали и перешли къ Шуйскому прежде, чѣмъ Болотниковъ успѣлъ предпринять хоть что-нибудь противъ Москвы. Союзъ дворянъ съ «ворами» распался такъ-же быстро, какъ и создался, да иначе не могло и быть. Если-бы «болотниковцы» и не торопились съ осуществленіемъ своей «программы» и этимъ не напугали дворянъ — союзъ распался-бы немедля по достиженіи первоначальной его цѣли — сверженія Шуйскаго. Дворянскаго кандидата на престолъ не приняли-бы «воры» и обратно.

Усилившійся и ободренный Шуйскій, рѣшилъ воспользоваться этимъ разладомъ и, не теряя времени, вступилъ въ битву съ Болотниковымъ и одержалъ побѣду, главнымъ образомъ, благодаря тому, что въ разгаръ сраженія мелкопомѣстное ополченіе Пашкова тоже передалось Василію. Болотниковъ съ главными силами — свыше 10.000 человѣкъ — ушелъ въ Калугу; масса «воровъ» легла на полѣ битвы, а взятые въ плѣнъ были утоплены и казнены.

Консервативное, охранительное теченіе побѣдило. Опасность отъ воровъ была страшнѣе опасности отъ Шуйскаго и дворянскіе круги, во всякомъ случаѣ, должны были въ видахъ самозащиты, сначала покончить съ «ворами», а потомъ уже подумать и о Шуйскомъ. Но не такъ-то скоро удалось уничтожить «воровъ».

Болотниковъ всю зиму продержался въ Калугѣ, пока въ 1607 году не пришелъ изъ Тулы на выручку Болотникова сильный отрядъ князя Телятевскаго, отодвинувшій осаждавшія Калугу московскія войска къ Серпухову и Болотниковъ могъ перейти въ Тулу, гдѣ за зиму собралось до 30.000 приверженцевъ казачьяго «царевича Петрушки» и кн. Шаховскаго. Войска Шуйскаго осадили Тулу и послѣ долгой блокады, 10 октября, наконецъ взяли ее съ Болотнико-

вымъ, «царевичемъ Петрушкой» и «иными ворами».

Исторія перваго крупнаго народнаго движенія семнадцатаго вѣка завершилась взятіемъ Тулы: почти два года совершались въ Москвѣ безпрерывныя казни «воровъ» посредствомъ «сажанія въ воду», т. е. утопленія. Правительство не остановилось и надъ другими мѣрами къ подавленію «воровскаго» движенія: царскимъ приказомъ татарамъ и черемисамъ разрѣшалось грабить и разорять имѣнія всѣхъ, объявляющихъ себя сторонниками Димитрія.

Однако, ни казни, ни «карательныя экспедиціи» не могли окончательно подавить «воровскаго» движенія. Потерпѣвъ неудачу съ Болотниковымъ, оно возродилось съ появившимся, наконецъ, вторымъ Лжедимитріемъ. Къ нему привлекали народныя массы и обѣщанія податныхъ льготъ, и приказы относительно вѣрныхъ Шуйскому бояръ въ духѣ болотниковскихъ листовъ. Къ началу іюня стотысячное ополченіе «дмитріевцевъ» стояло подъ Москвою уже, въ знаменитомъ Тушинѣ.

Народныя массы видѣли въ Димитріѣ будущаго «мужичьяго царя», который «выведетъ» бояръ и будетъ править царствомъ согласно народнымъ желаніямъ. Но такое представленіе о «царевичѣ» — сынѣ немилостиваго къ боярамъ Грознаго царя — довольно быстро разрушилось естественнымъ ходомъ событій, совершенно внѣ воли самаго Димитрія. Пришедшіе съ нимъ подъ Москву и въ сущности командовавшіе «царькомъ» поляки требовали уплаты жалованья, а это вынуждало въ свою очередь собирать налоги. Правда, самъ Димитрій и нѣкоторые изъ его приверженцевъ прекрасно понимали всю опасность сбора налоговъ, но пришедшіе за наживой поляки не хотѣли ждать и волей-неволей пришлось согласиться. Привлекавшая къ Димитрію свобода отъ налоговъ стала исчезать, а съ нею исчезало въ глазахъ народа и коренное отличіе Димитрія отъ Шуйскаго. Налоги собирались безпорядочно, съ вымогательствами, иногда одновре-

менно отъ имени Димитрія и Сапѣги; польскіе паны, получавшіе отъ самозванца деревни на «кормленіе», вели себя съ безудержною жестокостью, раздражая населеніе и вынуждая его искать защиты у московскихъ властей, у Шуйскаго. Не менѣе жестоки были и просто разбойничавшіе приверженцы Димитрія: одинъ атаманъ Наливайко замучилъ, напримѣръ, во Владимірскомъ уѣздѣ 93-хъ помѣщиковъ...

Зарождалось новое внутреннее движеніе среди самихъ возставшихъ: противъ поляковъ. Возникали крестьянскіе отряды, ставившіе себѣ цѣлью — изгнаніе поляковъ. Силы самозванца все болѣе раздроблялись, на рѣшительныя дѣйствія противъ Москвы онъ не отваживался — и это вызывало ропотъ... Въ концѣ-концовъ Лжедимитрій долженъ былъ покинуть Тушино и измѣнить программу своихъ дѣйствій, стать на національно-религіозную почву. Онъ разослалъ грамоту, чтобы преданные ему люди ловили и убивали поляковъ, а ихъ имущество свозили въ Калугу, обѣщалъ умереть за русскій народъ и вѣру православную, не дать «ни кола, ни двора» польскому королю. Эта грамота отчасти вернула самозванцу народныя симпатіи, но ему такъ и не удалось стать во главѣ движенія и добиться хоть какихъ-нибудь результатовъ. Принятое имъ имя оказывалось гораздо могущественнѣе, чѣмъ онъ самъ...

Идея общественнаго переворота, такъ ярко обозначившаяся въ первыхъ народныхъ движеніяхъ Смутнаго времени, подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій стала угасать. Ее заслоняла новая цѣль движенія — національно-религіознаго характера, освобожденіе государства отъ поляковъ. Въ эту именно сторону и направлялась постепенно народная энергія: идеалы болотниковскихъ «листовъ» смѣнились освободительнымъ ополченіемъ Минина и Пожарскаго. Народъ устремился въ организацію партизанской войны, крестьянскіе отряды «шишей» возникали почти повсюду и, захватывая поляковъ врасплохъ, «по невелику»,

безпощадно избивали ихъ, нисколько не стѣсняясь договоромъ московскихъ бояръ объ избраніи на царство королевича Владислава.

Но провозглашенный «болотниковцами» кличъ все-же не замеръ сразу. Оказалось возможнымъ даже примирить его до нѣкоторой степени съ задачами освобожденія страны отъ «ляховъ». Носителями идей общественнаго переворота оказались на этотъ разъ тѣ ополченія изъ украинскаго казачества, которые пришли въ 1611 году, и снова въ союзѣ съ дворянами, на освобожденіе Москвы. Но ихъ стремленія, не нашедшія почти никакой поддержки въ народныхъ массахъ, остались неосуществленными.

Съ освобожденіемъ Москвы и избраніемъ Михаила Романова стало ясно, что народъ, вынесшій на своихъ плечахъ всю тягость «великой разрухи», освободившій страну отъ поляковъ, ничего не завоевалъ для себя, ни на іоту не ослабилъ своего безправія. Мало того: въ разгаръ лихолѣтья свершилось окончательное закрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками; явленіе обычнаго права обратилось въ государственное учрежденіе. «Верхъ и низъ московскаго общества,— говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,— проиграли игру, а выиграли ее средніе общественные слои. Ихъ ополченіе овладѣло Москвою; ихъ «начальники» правили страною до царскаго избранія; ими-же, наконецъ, былъ избранъ царь Михаилъ».

Въ этомъ-то проигрышѣ и заключается основная причина тѣхъ, почти непрерывныхъ народныхъ движеній, которыми былъ наполненъ весь XVII вѣкъ.

Народъ не могъ примириться съ крушеніемъ вѣчно жившихъ у него и, казалось, готовыхъ осуществиться въ Смутное время надеждъ на новую демократическую политику московскаго правительства.

Земская реформа Іоанна Грознаго и вылившаяся въ опричнинѣ ненависть къ боярамъ зародили въ народныхъ массахъ надежду на облегченіе ихъ участи.

Былъ моментъ, когда и Борисъ Годуновъ попробовалъ было опереться на народъ. «Ослабы» для крестьянства ждали и отъ обоихъ «названныхъ царевичей». Съ оружіемъ въ рукахъ пытались добыть демократическія реформы «болотниковцы». Съ надеждой на нихъ велась партизанская война, вплоть до изгнанія поляковъ изъ московскаго кремля.

Кончилась смута и надежды рушились. Земскіе соборы ничего не дали и не могли дать народнымъ массамъ: они были въ рукахъ побѣдителей — дворянъ и купцовъ, служили ихъ, а не народнымъ интересамъ.

Вотъ почему «недовольство становится господствующимъ настроеніемъ народной массы въ теченіи всего вѣка», какъ говоритъ въ своемъ историческомъ курсѣ В. О. Ключевскій. Борьба общественныхъ слоевъ за свои интересы, которою полна исторія Смутнаго времени, естественно не могла окончиться съ побѣдою среднихъ общественныхъ слоевъ. Этою борьбою полна исторія всего XVII вѣка, она переходитъ въ XVIII и XIX вѣка. Мѣняются — и то довольно незначительно — лишь внѣшнія формы борьбы, а сущность ея остается все тою-же.

«Велія» радость Москвы при извѣстіи объ избраніи на царство Михаила Романова была скоро омрачена вѣстями о «воровствѣ» въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Никаноръ Шульгинъ въ Арзамасѣ отказался присягать новому царю и едва было не возмутилъ Казань; ногайцы «пріидоша войною» подъ самую Москву; въ Сѣверномъ Заволжьи казаки не слушали милостивыхъ словъ царскаго посла, проявляли «неуклонное свирѣпство», даже осмѣлились «и на Москвѣ воровать»; черкасы воевали Московскую землю «проходомъ» и запустошили много земель; не скоро удалось и окончательно изгнать поляковъ изъ русскихъ предѣловъ. Но больше всего донимала московское правительство эпидемія разбойничества, охватившая всю страну. Немудрено было, что разбойничали чуждые населенію поляки и черкасы. Но въ сыпавшихся къ царю чело-

битныхъ, жаловались на разбои приказчиковъ мелкихъ помѣстій, правительственныхъ агентовъ и даже монаховъ. Вѣками накоплявшаяся въ русской душѣ молодецкая удаль, вырвавшись на волю въ Смутное время, никакъ не могла улечься въ рамки обыденной жизни. Да и представители служилыхъ классовъ очень спѣшили учесть въ свою пользу плоды одержанной побѣды: не было конца челобитьямъ на всевозможныя насилія и «продажи», которымъ подвергалось со стороны мѣстныхъ администраторовъ разоренное лихолѣтьемъ населеніе. И въ челобитныхъ недаромъ писалось, что населенію грозила опасность отъ этихъ насилій «вконецъ погибнуть и р о з н о р а з б р е с т и с ь». Это «разбреданіе» и началось, а съ нимъ вмѣстѣ и неизбѣжное скопленіе отчаянныхъ людей на окраинахъ государства, которое впослѣдствіи громко заявило о себѣ Разиновщиной.

Но не всѣ угнетаемые обращались къ бѣгству. Смутное время показало возможность не только пассивной, но и активной борьбы. Смутное время внесло въ крестьянскія массы какія-то представленія о «правѣ», о возможности сопротивляться властямъ. Протестъ все чаще выражается въ формѣ открытаго неповиновенія или сопротивленія. Уже въ 1618 году «Лѣтопись о многихъ мятежахъ» отмѣчаетъ, что ратные люди въ Можайскѣ приходили «на бояръ съ большимъ шумомъ», указывая, «чего сами не знаху». Во время мирныхъ переговоровъ съ Польшей, казаки, числомъ до трехъ тысячъ, сидѣвшіе въ Москвѣ въ яузскомъ «острогѣ», ночью взбунтовались и ушли. Царь послалъ двухъ бояръ уговаривать ихъ вернуться. Казаки вернулись, но не только остались безнаказанными, а еще и получили «государево жалованье». Неоднократно вспыхивали зарницы будущей грозы и на Дону: казаки не исполняли царскихъ указовъ, убивали присылаемыхъ съ Москвы воеводъ. Раздавались даже голоса о сопротивленіи Москвѣ: «все равно наша служба государю ни во что»,

«даромъ насъ не возьмутъ, сберемся въ одинъ городокъ и помремъ всѣ вмѣстѣ», кричали донцы.

Еще любопытнѣе случаи изъ жизни городского и сельскаго мелкаго люда. Для ѣхавшаго на Лену воеводы съ духовенствомъ потребовались подводы. Обыватели Енисейска — служилые люди и пашенные крестьяне — воспротивились этому. Нѣсколько дней бился съ гражданами енисейскій воевода и, потерявъ терпѣніе, сталъ хватать лучшихъ людей, сажать ихъ по тюрьмамъ и даже истязать, но такъ и не добился подводъ «безъ государева указу». Сольвычегодскіе посадскіе и волостные крестьяне въ 1636 году рѣшились на дѣло еще болѣе важное. Составивъ «одиначную запись», чтобы всѣмъ стоять другъ за друга, они толпою разграбили домъ мѣстнаго воеводы, измучившаго ихъ поборами. «Которыя деньги мы давали, тѣ и взяли!» кричали они и если-бы не мѣстные богачи братья Строгановы — воевода едва-ли уцѣлѣлъ-бы. Сольвычегодцы помирились съ воеводой, но взяли съ него громадную по тому времени мировую — 300 рублей. Насилія помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ вызывали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ аграрныя движенія: крестьяне составляли «заговоры» и расправлялись съ утѣснителями.

Все это было ново для крестьянской Руси, привыкшей отвѣчать бѣгствомъ на всякое насиліе власть имущихъ. Народъ очевидно навсегда уже «утратилъ ту политическую выносливость, какою отличался въ XVI столѣтіи», какъ говоритъ В. О. Ключевскій, прибавляя къ этой фразѣ осторожное «повидимому». Событія послѣдующихъ лѣтъ вполнѣ доказали эту утрату «выносливости».

I

Начало „морозовщины“.

1648 г.

Со вступленіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича — съ 1645 года — и почти до самаго появленія Стеньки Разина, въ исторіи русскаго народа тянется эпоха, которую можно назвать «Морозовщиной».

Молодой, благочестивый, добрый царь находится почти всецѣло въ рукахъ сильной боярской партіи, отъ его имени управляющей страной. Во главѣ партіи стоитъ самъ «дядька» государевъ — бояринъ Морозовъ. И по народнымъ воззрѣніямъ — все зло, всѣ неправды идутъ отъ Морозова, отъ «измѣнника».

Русскій народъ въ до-петровской Руси своеобразно понималъ слово «измѣна». По его понятіямъ, существовало два рода «измѣны» — внѣшняя и внутренняя. Одно дѣло — измѣнять государству, «перемётываться» на сторону чужихъ государствъ и стараться повернуть ходъ политики на пользу этихъ «зарубежныхъ» государствъ. Другое дѣло «измѣна» внутренняя. Въ глазахъ народа всякій, кто нарушалъ народные интересы, былъ измѣнникомъ не только предъ народомъ, но и предъ государемъ. Народъ не допускалъ и мысли, чтобы царь могъ быть «не доброхотомъ» въ отношеніи къ своему народу: царь, по народнымъ воззрѣніямъ, всегда «за одно» съ народомъ, царь всегда добръ къ народу, всегда болѣетъ о его нуждахъ, всегда печется объ его интересахъ. И съ этой-то точки зрѣнія всякій утѣснитель народа—

«государевъ измѣнникъ», всякое нарушеніе народныхъ интересовъ — «государева измѣна».

Этой точки зрѣнія не могли уничтожить въ народѣ никакія волненія, никакія крушенія народныхъ иллюзій: отъ временъ Грознаго и до самой Пугачевщины она пребывала неизмѣнною.

Это основное народное воззрѣніе придаетъ, конечно, особую окраску всѣмъ народнымъ бунтамъ и возстаніямъ прошлыхъ вѣковъ нашей исторіи, не знающей, въ сущности, серьезныхъ народныхъ движеній, направленныхъ противъ самаго принципа монархической власти. Народъ «сводилъ» царя съ трона, какъ это было съ Василіемъ Шуйскимъ, но на его мѣсто тотчасъ-же избирался новый царь. Народъ не считалъ возможнымъ навсегда остаться жить въ «безгосударное» время. Такъ было и въ древнихъ русскихъ вѣчевыхъ «республикахъ» — въ Новгородѣ и Псковѣ. Князей выбирали, заключали съ ними условія, князей изгоняли, если они были не угодны, но безъ князей не обходились.

Здѣсь не мѣсто, конечно, говорить объ этомъ подробно, но мы все-же сочли необходимымъ выдвинуть на первое мѣсто общій основной смыслъ русскихъ народныхъ движеній: добиться подлиннаго единенія царя съ народомъ, установить демократическую внутреннюю политику, добиться воцаренія не боярскаго, а мужичьяго царя...

На этой почвѣ возникъ и московскій бунтъ 1648 года и вся вообще «морозовщина».

* *

*

Борисъ Ивановичъ Морозовъ принадлежалъ къ числу представителей новаго — послѣдняго — поколѣнія Московской Руси. Оставаясь вполнѣ русскими со внѣшне-бытовой стороны, эти люди уже не чурались «иноземщины», какъ большинство современни-

ковъ; напротивъ: они старались воспринять образованность запада и тѣ его обычаи, которые могли привиться въ русской обстановкѣ. Изъ этой среды вышли знаменитые «птенцы гнѣзда Петрова» и выдающіеся государственные дѣятели исхода XVII вѣка: Голицынъ, Ордынъ-Нащокинъ. Но у Морозова тяготѣніе къ западной культурности вполнѣ уживалось съ тѣмъ хищничествомъ, которое составляло обычную атмосферу русской приказной жизни. Мысль о томъ, что народные интересы могутъ существовать и существуютъ не приходила ему и въ голову. Не царю и не народу служилъ этотъ бояринъ: онъ дѣлалъ свою карьеру, накоплялъ личныя богатства, конечно, за счетъ казны, за счетъ притѣсненій, вымогательствъ, обмановъ...

Современникъ Морозова, баронъ Майербергъ, характеризуетъ его какъ человѣка «съ природнымъ умомъ и, по своей долговременной опытности, способнаго править государствомъ, если-бы только онъ умѣлъ ограничивать свое корыстолюбіе». Эта-то «несытая алчба» денегъ, при полнотѣ власти въ дѣлахъ управленія, и сдѣлала имя Морозова синонимомъ всякихъ неправдъ и насилій, призывала народъ къ возстанію на защиту своихъ правъ. Морозовъ, по характеристикѣ С. М. Соловьева, былъ человѣкомъ умнымъ, но не умѣлъ «возвыситься до того, чтобы не быть временщикомъ» и не учитывать въ свою пользу выгодъ безпредѣльнаго произвола власти правителя государства.

Карьера Морозова, тогда еще простого стольника, началась съ 1629 года, когда царь Михаилъ Ѳедоровичъ опредѣлилъ Морозова въ «дядьки» къ царевичу Алексѣю. Вмѣстѣ съ тѣмъ Морозову часто поручались пріемы иностранныхъ гостей, которые, со своей стороны, хорошо отзывались о Морозовѣ предъ государемъ. Въ 1634 году стольникъ Морозовъ сталъ бояриномъ, затѣмъ судьей Владимірскаго приказа и казанскимъ воеводой.

Со вступленіемъ на престолъ морозовскаго питомца — царя Алексѣя Михаиловича — его «дядька» естественно пошелъ въ гору.

Олеарій и Майербергъ подробно разсказываютъ исторію дальнѣйшаго возвышенія Морозова. «Хитрый наставникъ» молодого государя, «державшій по-своему произволу скипетръ, чрезвычайно еще тяжелый для руки юноши», началъ съ того, что, склонивъ на свою сторону часть придворныхъ, удалилъ отъ двора родственниковъ царя и въ особенности царицы-матери, «какъ людей, могущихъ имѣть вліяніе на молодого государя». Этихъ людей разослали «въ почетную ссылку, на выгодныя воеводства», а на ихъ мѣсто были поставлены люди послушные, хотя-бы потому уже, что раньше и думать не смѣли о придворныхъ должностяхъ. «Желая удалить нѣкоторыхъ изъ бояръ, которые могли наскучить царю непріятными и тягостными въ его лѣта дѣловыми занятіями, Морозовъ часто доставлялъ царю случай охотиться и проводить время съ нимъ однимъ въ разнаго рода увеселеніяхъ». Женитьба царя на Милославской тоже являлась дѣломъ морозовскихъ рукъ. Милославскій былъ частымъ гостемъ Морозова «и охотно во всемъ помогалъ ему», пользуясь «большою милостью» Морозова. Милославскій былъ не богатъ и не знатенъ; породниться съ царемъ — значило прежде всего разбогатѣть и пріобрѣсти вліяніе, тѣмъ болѣе, что другая дочь Милославскаго становилась женой самого государева «дядьки» — Морозова.

Ближайшими сотрудниками царя-юноши оказались такимъ образомъ люди не-знатные и не-богатые. Послѣдствія этого не замедлили обнаружиться: и Морозовъ, и Милославскій дали полную волю корыстолюбію. Ихъ родственники и друзья заняли главнѣйшія административныя должности и всѣ стали усердно заботиться о приращеніи своихъ доходовъ. Насилія, прямыя государственныя хищенія и всевозможныя вымогательства были въ то время обычнымъ

путемъ къ обогащенію. Морозовъ и Милославскіе стали быстро богатѣть со всѣми ихъ окружавшими.

Изъ числа Морозовскихъ «подручниковъ» судья Земскаго приказа Леонтій Степановичъ Плещеевъ и начальникъ Пушкарскаго приказа Петръ Тихановичъ Траханіотовъ оказались людьми особенно изобрѣтательными. Плещеевъ, не довольствуясь обычными взятками, иногда въ конецъ разорявшими тяжущихся, имѣлъ цѣлый штатъ доносчиковъ, которые готовы были возвести какія угодно обвиненія на всякаго сколько-нибудь зажиточнаго человѣка. Оговореннаго заключали въ тюрьму и держали въ ней до тѣхъ поръ, пока несчастный колодникъ не соглашался дать за свое освобожденіе хорошій выкупъ. Жалобы, конечно, попадали въ руки Морозова и не получали никакого хода. Траханіотовъ, со своей стороны, задерживалъ жалованье пушкарямъ, ружейнымъ мастерамъ и всѣмъ, имѣвшимъ соприкосновеніе съ Пушкарскимъ приказомъ; выдавалъ только половину слѣдуемыхъ денегъ, требуя росписки въ полученіи всей суммы и т. д. Морозовъ покровительствовалъ и этому хищнику; и на Траханіотова нельзя было нигдѣ сыскать «управы». Къ той-же «компаніи» принадлежалъ и думный дьякъ Назарій Ивановичъ Чистой, котораго народъ считалъ иниціаторомъ новой тяжелой пошлины на соль, установленной въ 1646 году. Не дремалъ и выбравшійся «изъ грязи самаго бѣднаго люда и самаго низшаго дворянства» — царскій тесть Илья Данилычъ Милославскій, увидавшій «возможность воспользоваться своимъ положеніемъ для своего обогащенія», какъ говоритъ Костомаровъ. Самъ Морозовъ былъ начальникомъ двухъ приказовъ — Большой казны и Стрѣлецкаго. Въ этихъ приказахъ сосредоточивалось управленіе большею частью государственныхъ доходовъ и завѣдываніе государственнымъ казначействомъ, а слѣдовательно былъ и просторъ для корыстныхъ цѣлей. Впрочемъ, Морозовъ, какъ видно, подозрѣвался и въ прямомъ сообщни-

чествѣ съ вышеупомянутыми лицами. Современникъ описываемой эпохи, неизвѣстный иностранецъ, авторъ подробнаго описанія бунта 1648 года, прямо говоритъ, что Морозовъ былъ въ тайномъ соглашеніи съ Плещеевымъ.

Около двухъ лѣтъ терпѣлъ народъ всѣ эти хищничества, о которыхъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ самъ «тишайшій», занятый церковными службами, да соколиными охотами.

* *
*

Наступилъ 1648 годъ. 16 января въ Успенскомъ соборѣ царь былъ обвѣнчанъ съ Маріей Ильиничной Милославской. Морозовъ былъ посаженымъ отцомъ государя, а «въ материно мѣсто» у него была жена брата «дядьки» — Бориса Морозова. Въ концѣ того-же января, 26-го числа, сыгралъ свою свадьбу и Морозовъ. Происходившее уже среди москвичей броженіе почти не было замѣчено; лишь за двѣ недѣли до самаго бунта, какіе-то братья Вердеревскіе выражали неудовольствіе, что ночные сторожа московскаго Китай-города опрашиваютъ всякаго, кто идетъ или ѣдетъ. Между тѣмъ москвичи стали часто собираться у церквей и толковать о необходимости подать новую челобитную на насильниковъ самому царю. Всего больше докучилъ москвичамъ Плещеевъ, отъ котораго «въ міру стала великая налога и во всякихъ разбойныхъ и татиныхъ (воровскихъ) дѣлахъ по ево Левонтьеву наученью отъ воровскихъ людей напрасные оговоры». Но не такъ-то легко было добиться подачи челобитья въ руки самому царю. Не разъ уже пытались москвичи довести до его свѣдѣнія о насиліяхъ чиновниковъ, но прошенія всякій разъ попадали въ руки бояръ и исчезали безслѣдно.

Наступило лѣто. Государя въ Москвѣ не было: 17 мая онъ уѣхалъ съ царицей въ Троице-Сергіевъ монастырь (нынѣ лавра), а городомъ правили двое

бояръ князья Пронскіе, окольничій Ромодановскій и два дьяка — Чистой и Волошениновъ. Они не придавали значенія народнымъ сборищамъ у церквей, какъ явленію не рѣдкому въ московской жизни той эпохи. Москвичи изготовили новую челобитную, списка которой до насъ не дошло, и стали дожидаться царскаго возвращенія, разсчитывая застигнуть государя врасплохъ и вручить ему свою просьбу.

Алексѣй Михайловичъ вернулся 1-го іюня. По обычаю, его встрѣтили подъ городомъ на Ярославской дорогѣ московскіе обыватели съ хлѣбомъ-солью. Случай, казалось, былъ благопріятнымъ и москвичи рѣшили подать челобитную. Но царь, по привычкѣ, не взялъ челобитья самъ, а указалъ отдать его боярамъ. Народъ продолжалъ, однако, тѣсниться и затруднять движеніе. По приказанію Морозова, бывшіе въ царскомъ поѣздѣ стрѣльцы стали отгонять народъ плетьми, а наиболѣе крикливыхъ даже арестовали.

Народъ, не ожидавшій такой встрѣчи, встревожился и рѣшилъ дождаться приближенія ѣхавшей вслѣдъ за Алексѣемъ Михайловичемъ беременной царицы, чтобы хоть ей вручить свои жалобы. Но и здѣсь стрѣльцы, по приказу того-же Морозова, стали гнать народъ. Началась настоящая драка; камни и палки посыпались изъ толпы на стрѣльцовъ и вообще на царицынъ поѣздъ. Нѣкоторыя лица изъ царицыной свиты были ранены. Необычайный шумъ и крики привлекли вниманіе государыни, но бывшій при ней Морозовъ сумѣлъ объяснить дѣло по-своему и даже грозился перевѣшать зачинщиковъ.

На другой день было назначено, по случаю царскаго прибытія, празднованіе иконѣ Владимірской Богоматери, обыкновенно происходившее 21 мая и сопровождавшееся крестнымъ ходомъ изъ Кремля въ Срѣтенскій монастырь. Лишь только «тишайшій» вышелъ изъ дворца, чтобы идти «за кресты въ ходъ съ патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ», какъ поджидавшій его выхода народъ поднялъ крикъ.

Царь предложилъ просителямъ подать письменную челобитную. По однимъ извѣстіямъ, челобитная и была подана, но бояре тутъ-же изорвали ее въ клочки; по другимъ — болѣе вѣроятнымъ — народъ отвѣчалъ, что челобитная подана уже вчера и прежде всего просилъ освободить 16 человѣкъ, арестованныхъ Морозовымъ при вчерашней встрѣчѣ царя. Алексѣй Михайловичъ обѣщалъ удовлетворить эту просьбу, и «съ неудовольствіемъ спросилъ Морозова, какъ онъ осмѣлился безъ его желанія и вѣдома заключить нѣкоторыхъ подъ стражу; Морозовъ былъ этимъ смущенъ и ничего не отвѣчалъ».

Толпа рѣшила ждать исполненія царскаго обѣщанія и какъ только кончилась обѣдня въ Срѣтенскомъ монастырѣ и царь направился обратно въ Кремль, обступила процессію, «прося выдачи своихъ арестованныхъ (которыхъ они и получили тотчасъ), а также тѣхъ, которые у нихъ высасываютъ кровь и безвинно ихъ мучатъ». «Его царское величество былъ частью пораженъ, частью разгнѣванъ» этими рѣчами, пишетъ иностранецъ-современникъ, угадывая психологію молодого царя.

Морозовъ, быстро оцѣнившій значеніе событій, не хотѣлъ впускать мятежниковъ въ Кремль и, какъ начальникъ Стрѣлецкаго приказа, приказалъ стрѣльцамъ запереть ворота и никого не впускать. Но стрѣльцы, испытавшіе на своей спинѣ корыстолюбіе начальника, умышленно не исполнили приказа и Кремль былъ наводненъ народомъ.

Царь вошелъ во дворецъ при неумолкавшихъ народныхъ вопляхъ о выдачѣ измѣнниковъ, и сѣлъ за обѣдъ. Вопли не умолкали. По разсказу Олеарія, на Красное крыльцо вышелъ сначала самъ Морозовъ и пытался уговорить толпу, но въ отвѣтъ на его увѣщанія понеслись угрожающіе крики:

— Мы и тебя хотимъ взять въ свои руки!

Тогда Морозовъ далъ приказъ немедленно созвать въ Кремль изъ стрѣлецкихъ слободъ всѣхъ стрѣль-

цовъ, а къ толпѣ вышелъ отъ царскаго имени какой-то другой бояринъ. Мятежники обратили его въ заложника и не пускали уйти во дворецъ, добиваясь выхода самаго царя. Участь второго посла была еще плачевнѣе: съ него сорвали платье и нанесли ему побои...

Наконецъ, вышелъ самъ царь. Народъ неотступно требовалъ выдачи ему Плещеева и не сдавался ни на какіе уговоры. Алексѣй Михайловичъ отговаривался тѣмъ, что «хочетъ разслѣдовать дѣло» и говорилъ, что если Плещеевъ окажется виновнымъ, то не уйдетъ отъ наказанія. Но страсти разгорались все сильнѣе: послышались угрозы, что народъ силою возьметъ Плещеева, если его не выдадутъ добромъ...

Положеніе очевидно обострялось. Не только московская чернь «возмятошася по дѣйству діаволю», но и стрѣльцы отказались повиноваться морозовскимъ приказамъ и разгонять народъ. Современникъ — шведскій посланникъ Поммеренингъ говоритъ, будто стрѣльцы прямо заявили, что «сражаться за бояръ противъ простого народа они не хотятъ, но готовы вмѣстѣ съ нимъ избавить себя отъ ихъ (бояръ) насилій и неправдъ».

Государь вторично вышелъ къ бунтовщикамъ и обѣщалъ выдать Плещеева на слѣдующій день, ибо въ пятницу (2-го іюня была пятница) «грѣшно проливать кровь».

Это, быть можетъ, успокоило-бы толпу, если-бы не новыя непредвидѣнныя обстоятельства. Морозовскіе холопы, выбѣжавъ изъ хоромъ своего хозяина, стоявшихъ неподалеку отъ царскаго дворца, бросились бить непослушныхъ стрѣльцовъ. Возможно, что это дѣлалось, какъ указываютъ нѣкоторые источники, по приказу самого мстительнаго и злого Морозова. Одинъ изъ стрѣльцовъ былъ даже раненъ ножомъ.

Разсвирѣпѣвшая толпа, къ которой примкнули и стрѣльцы, бросилась къ Морозовскимъ хоромамъ. На встрѣчу бунтовщикамъ вышелъ, слывшій по городу

за колдуна, морозовскій управитель Мосей. Черезъ его трупъ толпа ворвалась во дворъ и бросилась громить все, что подвертывалось подъ руку. Народъ уничтожалъ добро ненавистнаго ему боярина «измѣнника», но ничего не бралъ себѣ. «Драгоцѣнныя вещи были разбиты на куски топорами и дубинами; золотыя и серебряныя чаши и блюда были обезображены; жемчугъ и другіе драгоцѣнные камни были превращены въ порошокъ», разсказываетъ современникъ. Мятежники «препятствовали всякой попыткѣ вынести что-либо, неистово крича при этомъ: «то кровь наша!» Морозовскій домъ былъ такъ опустошенъ, «что даже ни одного гвоздя не осталось на стѣнѣ». Не уцѣлѣлъ и царскій свадебный подарокъ Морозову: богатую, окованную серебромъ карету съ парчевою обивкой толпа разбила въ куски. Добрались и до морозовскихъ погребовъ съ заморскими винами: бочки выкатывали во дворъ и разбивали...

Жену Морозова, находившуюся въ хоромахъ, бунтовщики не тронули.

— Коли-бы ты не царицына сестра была, мы-бы изрубили тебя въ куски! — кричали ей изъ толпы.

Разгромъ завершился пожаромъ, во время котораго погибли и нѣкоторые изъ бунтовщиковъ, засѣвшіе въ подвалахъ у винныхъ бочекъ.

Власти, видимо, растерялись и не принимали никакихъ мѣръ къ прекращенію народнаго самосуда. Покончивъ съ Морозовскимъ домомъ толпа повалила къ дому другого «Левонтьева заступника» думнаго дьяка Чистаго. Дьякъ, не задолго до бунта, упалъ съ лошади и лежалъ больной. Одинъ изъ слугъ успѣлъ спрятать хозяина въ чуланѣ подъ грудой вѣниковъ, но потомъ долженъ былъ выдать эту тайну. Чистой былъ убитъ и изуродованное тѣло его брошено на навозную кучу.

— Это за соль тебѣ! — кричали убійцы, считая Чистаго иниціаторомъ соляного налога.

Разгромъ продолжался весь день. Дома Плещеева, Траханіотова, дьяка Ларіонова, князя Львова, Одоевскаго — были разгромлены, какъ и «иные многіе дворы»; по показаніямъ одного изъ современниковъ, всего до семидесяти домовъ, а по словамъ другого — до тридцати шести.

На утро слѣдующаго дня Кремль былъ запертъ и для охраны его введены наемныя нѣмецкія войска. Какъ показалъ вчерашній день, на стрѣльцовъ нельзя было полагаться. Народъ снова собирался у кремлевскихъ стѣнъ и снова требовалъ выдачи Плещеева. «Тогда изъ Кремля раздалось нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ», пишетъ современникъ. «Тотчасъ вслѣдъ за этимъ всѣ колокола зазвонили въ набатъ» и народъ отовсюду сбѣгался къ Кремлю съ тѣмъ-же крикомъ о выдачѣ ему Плещеева.

Очевидно, не было средства прекратить волненіе, кромѣ исполненія воли бунтовщиковъ. Тогда, государь, конечно, съ согласія бояръ, видя «такое въ міру великое смятеніе» приказалъ Плещеева «всей землѣ выдать головою». Но толпа не дождалась момента «выдачи»: увидавъ Плещеева, она отбила несчастнаго у стрѣльцовъ и умертвила ударами дубинъ. Поммеренингъ разсказываетъ — и это походитъ на правду, — что «Плещеевъ предъ своей смертью заявилъ, что Морозовъ и Траханіотовъ приказывали ему совершать неправды». По словамъ Олеарія, толпа, издѣваясь надъ трупомъ, кричала:

— Вотъ какъ надо расправляться съ ворами! Боже, продли вѣку батюшкѣ-царю!

Народъ торжествовалъ. Бояре ошиблись, уступивъ народнымъ требованіямъ, въ разсчетѣ, что волненія утихнутъ. Добившись смерти одного изъ ненавистныхъ «морозовцевъ», мятежники тѣмъ неотступнѣе стали требовать выдачи имъ самого Морозова и Траханіотова. Въ Кремлѣ, однако, не рѣшались дѣйствовать противъ мятежниковъ силой и на Лобное мѣсто пришла цѣлая депутація съ образомъ

Владимірской Богоматери: патріархъ Іосифъ, митрополитъ Серапіонъ, архіепископъ Серапіонъ, народный любимецъ бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, князья Черкасскій, Пронскій и многіе дворяне.

Извѣстія о результатахъ переговоровъ этой депутаціи съ мятежниками нѣсколько спутаны, но, повидимому, депутатамъ удалось договориться на томъ, что «заступники Левонтьевы» — Морозовъ и Трахапіотовъ — будутъ устранены отъ дѣлъ и навсегда удалятся изъ Москвы. Возможно, что впослѣдствіи къ этой депутаціи присоединился и самъ царь, давшій предъ народомъ клятву на Спасовомъ образѣ исполнить свое обѣщаніе, послѣ чего мятежники и рѣшили «всею землею» положиться «на ево государьскую волю».

Но какъ-бы тамъ ни было, послѣ этихъ переговоровъ, мятежъ сталъ утихать и можетъ быть вовсе затихъ-бы, если-бы не новое, поистинѣ безумное предпріятіе Морозова и Траханіотова. Неизвѣстно съ какими цѣлями — просто изъ мести или изъ желанія отвлечь вниманіе толпы — Морозовъ и Траханіотовъ «наученіемъ дьявольскимъ разослали людей своихъ по всей Москвѣ, велѣли всю Москву выжечь». Средство — столько-же героическое, сколько и безразсудное, но прекрасно характеризующее Морозова, именно какъ «измѣнника» съ народной точки зрѣнія.

Холопы сдѣлали свое дѣло: въ послѣобѣденное время «загорѣлося межъ Петровки и Дмитровки» и «начатъ горѣти не въ одномъ мѣстѣ». Огонь быстро разлился по деревяннымъ постройкамъ и добрая половина Москвы «бысть аки поле». Сгорѣло, по словамъ иностранцевъ, до 15.000 домовъ и въ ихъ числѣ винный дворъ, въ которомъ погибли въ огнѣ пьяные бунтовщики. Разсказываютъ, что огонь утихъ тогда только, когда въ него бросили изуродованный трупъ Плещеева.

Вниманіе народа было отвлечено, но неудача и

здѣсь преслѣдовала Морозова. Многіе «зажигальщики» были пойманы и убиты, а иныхъ изъ нихъ «и къ государю царю для ихъ измѣнничья обличенья приводили». Подъ вліяніемъ этого у царя, повидимому, и сложилось рѣшеніе — немедленно сослать Траханіотова «на Устюгъ Желѣзной воеводою», что и было исполнено въ ту-же ночь.

На утро — 4 іюня — волненіе вспыхнуло вновь: за «великую измѣну и пожогъ» народъ требовалъ головъ Морозова и Траханіотова. Поджогъ дѣйствительно былъ «великою измѣной» во всѣхъ отношеніяхъ. Въ огнѣ погибло «до 500 тысячъ тоннъ зерна» въ сгорѣвшихъ Житномъ, Мучномъ и Солодяномъ рядахъ; «и отъ тово въ міру сталъ всякой хлѣбъ дорогъ», добавляетъ лѣтописецъ. При несомнѣнной виновности Траханіотова и Морозова не было иного исхода, кромѣ удовлетворенія народныхъ желаній. «И видя государь царь во всей землѣ великое смятеніе, а ихъ измѣнничью въ мірѣ великую досаду, послалъ отъ своего царскаго лица» окольничьяго князя Пожарскаго со стрѣльцами, чтобы догнать Траханіотова и казнить его. Но на выдачу своего «дядьки» и посаженнаго отца на вѣрную смерть царь, разумѣется, не могъ согласиться и «упросилъ» Морозова у бунтовщиковъ. Алексѣй Михайловичъ держалъ къ народу длинную рѣчь, обѣщалъ заботиться объ его нуждахъ, поставить въ начальники добрыхъ и честныхъ людей, а затѣмъ, со слезами на глазахъ, просилъ оставить Морозова въ живыхъ, потому что «онъ государя царя дядька, вскормилъ ево, государя». Царь обѣщалъ сослать Морозова въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, а впредь ни самому Морозову, ни его родственникамъ «нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни па воеводствахъ не бывать» и ничѣмъ не владѣть. На этомъ и состоялось соглашеніе, положившее конецъ открытому мятежу.

5 іюня Траханіотовъ былъ казненъ на пожарищѣ

предъ міромъ», а стрѣльцамъ было приказано выдать всѣ задержанныя у нихъ деньги. Но Морозовъ все еще оставался въ Москвѣ, вопреки царскому обѣщанію, и это послужило причиной новыхъ народныхъ волненій, о которыхъ подробнѣе другихъ разсказываетъ Поммеренингъ.

По его словамъ, Морозовъ отказался выдать боярскимъ дѣтямъ обѣщанное имъ царемъ жалованье, велѣлъ возобновить свой домъ и, какъ говорятъ, сталъ ходить въ думу». Народъ началъ снова собираться и требовать удаленія Морозова, угрожая въ противномъ случаѣ силой вытащить его изъ царскихъ покоевъ.

Можно предполагать, что на этотъ разъ во главѣ движенія сталъ новый элементъ недовольныхъ Морозовымъ — боярскія дѣти. По крайней мѣрѣ, Поммеренингъ, все время безотлучно бывшій въ Москвѣ и повидимому хорошо освѣдомленный, опредѣленно говоритъ, что изъ страха предъ начинавшимися сообщеніями боярскихъ дѣтей съ народомъ, 12 іюня, рано утромъ, Морозовъ былъ отправленъ подъ сильною охраной въ Кирилловъ монастырь *), а требованія боярскихъ дѣтей удовлетворены.

Такимъ образомъ, московскіе мятежники 1648 года добились въ концѣ-концовъ исполненія своихъ желаній, но и послѣ этого «морозовщина» не прекратилась.

Слухъ о томъ, что «нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ», какъ писалъ своему дядѣ въ іюнѣ 1648 года какой-то Сенька Колтовской, — былъ близокъ не только народному сердцу, но и сердцамъ служилой мелкоты, которой часто приходилось плохо отъ своевольства «сильныхъ». Естественно было зародиться надеждамъ на лучшее бу-

*) На то-же число указываютъ почти всѣ другіе источники.

дущее, тѣмъ болѣе, что главнаго утѣснителя — Морозова не было въ Москвѣ. Создавалась новая, противо-морозовская партія, главнымъ образомъ, изъ служилаго дворянства, находившаго поддержку и въ народныхъ массахъ.

Вскорѣ послѣ бунта начались розыски виновныхъ въ немъ, которыхъ и ссылали подъ предлогомъ, будто они играли въ азартныя игры или вели тайную торговлю виномъ или табакомъ. Это, конечно, не могло понравиться ни народу, ни стрѣльцамъ. Члены организовавшейся противной Морозову партіи въ свою очередь воспользовались этимъ и включили въ свою политическую «программу» возвращеніе сосланныхъ бунтовщиковъ и стрѣльцовъ. Недовольные, по словамъ Поммеренинга, хотѣли удалить отъ дѣлъ царскаго тестя Милославскаго, Григорія Пушкина, князей Львова, Трубецкаго и другихъ. Эти замыслы способствовали тревожному настроенію среди московской знати и даже среди народа. «Многіе бѣгутъ и переселяются изъ Москвы, послѣ того какъ царь тайно роздалъ мушкеты боярамъ по ихъ дворамъ», доноситъ шведской королевѣ Христинѣ Поммеренингъ 19 сентября. «Народъ каждый день бѣжитъ и переселяется изъ Москвы, какъ изъ тюрьмы, послѣ того, какъ Морозовъ, какъ говорятъ, побывалъ у великаго князя (т. е. царя) у Троицы», читаемъ въ донесеніи 4 октября того-же года. 18 октября посолъ сообщаетъ, что «нѣкоторые знатные» москвичи свезли «свое лучшее имущество» на дворъ шведскаго посла и довѣрили его охрану Швеціи... Не обходилось и безъ казней: утромъ 3-го іюля было казнено шестеро холоповъ, — если вѣрить Поммеренингу, — за то, что требовали отпуска ихъ на волю. Царь опасался за жизнь Морозова даже въ Кирилловомъ монастырѣ и 6 августа писалъ туда, чтобы Морозова берегли, обѣщая за заботы о своемъ «пріятелѣ» пожаловать монаховъ такъ, что они «отъ зачяла свѣта такой милости не видали».

Примѣръ Москвы оказался заразительнымъ. Въ томъ-же 1648 году въ Сольвычегодскѣ обыватели сложились и дали взятку со всего уѣзда въ 20 рублей присланному для сбора жалованья ратнымъ людямъ Ѳедору Приклонскому. Дали и вскорѣ раскаялись: донеслись слухи о московскихъ дѣлахъ, о томъ, что Морозова нѣтъ больше и что Приклонскій собираетъ деньги не въ казну, а для Морозова. Народъ потребовалъ у Приклонскаго деньги обратно и грозилъ ему «смертнымъ убивствомъ». На другой день, съ крикомъ: «Деньги-то ты сбираешь на измѣнника, воровски», мятежники бросились на Приклонскаго, отняли у него деньги и документы, а самого избили. Ночью Приклонскій тайно скрылся и на этомъ бунтъ кончился.

То-же произошло и въ Устюгѣ. Воеводскому подъячему Михайлову устюжане дали взятку въ 260 рублей, потомъ стали отнимать. Подъячій былъ убитъ, воеводскій дворъ и другіе пять дворовъ — разграблены. Дьячекъ Игнашка Ахлаковъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ: онъ ходилъ по городу съ какою-то бумагой и кричалъ, что пришла государева грамота съ приказомъ разграбить въ Устюгѣ семнадцать богатыхъ дворовъ.

Въ Томскѣ обыватели давно уже не ладили съ воеводами. Въ 1637—38 гг., томичи, путемъ открытаго возстанія, добились смѣны воеводы съ его «шишиморами» (совѣтниками); черезъ десять лѣтъ въ 1648 г. снова возникъ бунтъ, стоящій въ какой-то невыясненной еще связи съ московскимъ іюньскимъ бунтомъ. Служилые и «жилецкіе» люди возстали на воеводу князя Щербатаго, «отказали» ему отъ воеводства и «заперли» на воеводскомъ дворѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что воевода былъ смѣненъ...

Затѣвались «смуты» и въ другихъ сибирскихъ городахъ: въ Нарымѣ и Кузнецкѣ. Дѣлались попытки къ смутамъ и въ городахъ Европейской Россіи.

Въ городъ Талицкъ (Орловской губ.) пришли изъ

Москвы трое кузнецовъ-оружейниковъ и, разсказав о тамошнихъ событіяхъ, стали заводить «воровско заводъ». Но волненій не возникло, хотя кузнецы «хвалились», что въ Козловѣ «многихъ людей по грабили и перебили и имъ-де ничего не учинил Въ Козловѣ мѣстные низшіе классы съ боярски сыномъ Толмачевымъ во главѣ дѣйствительно ра грабили многіе дома и лавки, но дальше дѣло пошло.

Чтобы успокоить это движеніе противъ «времен никовъ» (временщиковъ) и «сильныхъ людей» москов ское правительство принимало всевозможныя мѣры среди нихъ главнѣйшею былъ созывъ въ конц 1648 года земскаго собора для обсужденія новаг сборника законовъ — «Уложенія». «Здѣсь работают все еще прилежно надъ тѣмъ, чтобы простолюди и прочіе удовлетворены были хорошими законами свободою», пишетъ Поммеренингъ 18 октября 1848 Съ другой стороны шла «работа» надъ примиреніе народа съ «временникомъ» Морозовымъ. Если вѣрит Поммеренингу, царь обѣщалъ каждому стрѣльцу примиреніе съ Морозовымъ громадную по тому вре мени сумму — по 10 рублей, а патріархъ, отъ себя еще по 4 рубля.

Въ день рожденія царевича Димитрія Алексѣе вича — 22 октября 1648 года — царь рѣшилъ вернут Морозова въ Москву, «для своей государевой радост

Морозовъ не занималъ, по возвращеніи, никако опредѣленной должности, но подписывалъ «Уложені принималъ участіе въ его составленіи и, вообще вслѣдствіе «приятельскихъ» отношеній къ нему царя сохранялъ свое вліяніе на государственныя дѣла.

* *
*

«Отъ ихъ (бояръ Морозова и Милославскаго промыслу ходить намъ по колѣна въ крови», про рочески говорилъ въ началѣ 1649 года нѣкій Савинк

Корѣпинъ, смертью заплатившій за свои дерзкія слова. Тотъ-же Корѣпинъ вѣрно характеризовалъ положеніе вещей въ Москвѣ, говоря: «государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ».

Изъ сыскнаго дѣла объ этомъ Корѣпинѣ и донесеній Поммеренинга, во многомъ совпадающихъ съ сыскнымъ дѣломъ, видно, что народъ сочувственно относился къ возникшей противо-морозовской партіи бояръ и жалѣлъ князя Якова Черкасскаго, котораго хотѣли сослать въ Астрахань за споръ съ Морозовымъ и вообще выставляли измѣнникомъ. Не сослали-же его исключительно изъ боязни, «что міръ весь качается». Народъ наивно ожидалъ призыва къ истребленію «морозовцевъ» отъ боярина Романова и князей Черкасскихъ съ Голицынымъ. Носились слухи, что «быть замятнѣ въ Крещенье, какъ государь пойдетъ на воду». Начались сыскныя дѣла, пытки и казни, но Морозову все еще угрожали почти каждый день. 3 марта 1649 года были наказаны плетьми 35 человѣкъ, «которые будто-бы говорили о мятежѣ»; стрѣльцовъ сотнями ссылали въ Сибирь; говорили, что Морозовъ затѣваетъ войну, чтобы спасти самаго себя, такъ какъ всѣ знаютъ, что за спиною «владѣющаго всѣмъ» Милославскаго скрываетъ тотъ-же «измѣнникъ» Морозовъ... Особые шпіоны доносили «дядькѣ государеву» про всѣхъ подозрительныхъ лицъ и съ ними расправлялись безъ пощады.

Но никакія расправы не могли заглушить слуховъ, часто нелѣпыхъ, внушаемыхъ не только дѣйствительными злоупотребленіями Морозова, но и простою ненавистью къ нему, какъ человѣку болѣе другихъ образованному и другу иноземцевъ. «Борисъ Иванычъ держитъ отца духовнаго только для прилики, кіевлянъ началъ жаловать, уклонился къ такимъ-же ересямъ», говорили благочестивые люди, недовольные богословскою школой, заведенной Ртищевымъ въ Андреевскомъ монастырѣ.

Ненависть къ «временнику» все наростала. Срав-
нительный успѣхъ московскаго и томскаго бунтовъ
несбыточныя надежды, что любимые народомъ бояр
станутъ во главѣ движенія противъ Морозова
Милославскаго, — все это питало «шатость мірскую»
накопляло горючій матеріалъ, ждавшій хотя-бы ни-
чтожной искры, чтобы вспыхнуть. И въ 1650 год
эта искра появилась въ Новгородѣ и Псковѣ. Зажгл
ее имя того-же Морозова.

II

„Хлѣбные“ бунты.

1650 г.

По мирному Столбовскому договору 1617 года, Россія обѣщалась возвращать въ Швецію всѣхъ русскихъ «перебѣжчиковъ» изъ уступленныхъ Швеціи по этому договору русскихъ областей. «Перебѣжчиковъ» изъ уступленныхъ Кареліи и Ингріи въ Россію оказалось не мало, но московское правительство вовсе не торопилось съ выдачей ихъ Швеціи. По поводу «перебѣжчиковъ» возникла дипломатическая переписка, а въ 1649 г. спеціально для рѣшенія этого вопроса было снаряжено изъ Москвы въ «Стеколну» особое посольство. Исполняя свой наказъ, послы, прежде всего, попытались оспорить самыя статьи договора, касавшіяся выдачи «перебѣжчиковъ», но это не удалось. Тогда послы обратились къ шведскимъ «думнымъ людямъ», предлагая имъ взятку въ 50.000 рублей за рѣшеніе вопроса въ пользу Россіи. Но и здѣсь пословъ постигла неудача, такъ что въ концѣ-концовъ былъ заключенъ договоръ о выкупѣ Россіей «перебѣжчиковъ» за 190.000 рублей. При платежѣ этихъ-то денегъ и вспыхнулъ псковской «хлѣбный» бунтъ.

Дѣло было въ томъ, что еще отецъ шведской королевы Христины, знаменитый Густавъ-Адольфъ,

нерѣдко обращался къ русскому правительству с
просьбой о продажѣ ему хлѣба по «государевым
т. е. казеннымъ цѣнамъ. По словамъ К. Якубов
съ этимъ хлѣбомъ въ Швеціи производились торгов
спекуляціи: онъ перепродавался въ Голландію, а пр
быль шла на покрытіе расходовъ по участію Швец
въ Тридцатилѣтней войнѣ. Эти хлѣбныя операц
должны были оживиться, когда въ 1647 году швед
ское правительство получило, наконецъ, право имѣ
своего представителя при русскомъ дворѣ, которы
и явился упоминавшійся выше «честный и учен
магистеръ» Карлъ Поммеренингъ. Онъ немедленно-
началъ переговоры по этому поводу и въ 1648 го
просилъ разрѣшить ему покупку хлѣба для Швец
въ Новгородско-Псковской области. Московское пр
вительство послало на мѣста запросы объ урожаѣ
количествѣ хлѣба, какое можно было-бы прода
«за рубежъ». Новгородцы отвѣтили, что у них
«учинился недородъ», а потому «хлѣба продавать н
возможно» изъ опасенія помереть «голодною смертью
Псковичи не отвѣтили ничего, хотя недородъ ок
зался и у нихъ, повторившись и въ слѣдующем
1649 году, когда вслѣдствіе дороговизны хлѣб
«многіе православные христіяне» ѣли по деревням
«оловину и сосну и ужовину». Несмотря на эт
московское правительство распорядилось отпусти
Швеціи значительное количество хлѣба въ счет
платы за «перебѣжчиковъ». Это явное нарушен
интересовъ мѣстнаго населенія и послужило перв
начальнымъ поводомъ къ возстанію, наряду со всег
жившею среди жителей покоренныхъ «вольных
городовъ ненавистью къ московскимъ приказны
порядкамъ.

Но были и другія — національныя — причин
питавшія броженіе среди псковичей. Швеція всег
была въ глазахъ плохо освѣдомленнаго въ полити
русскаго народа ничтожнымъ государствомъ, посл
котораго не смѣли и становиться предъ очами мо

овскаго самодержца, а смиренно били челомъ новородскому воеводѣ. А теперь этому ненавистному нѣмецкому» государству уступались по Столбовскому оговору цѣлыя русскія области. Естественно было одумать, что это — дѣло рукъ стариннаго пріятеля сѣхъ «нѣмцевъ» Морозова. Самъ царь, согласивійся на просьбу русскихъ купцовъ о воспрещеніи нгличанамъ торговать въ Россіи, очевидно, не склоенъ былъ «мирволить нѣмцамъ», тогда какъ про Іорозова ходили даже слухи, будто онъ хочетъ наести «свейскихъ нѣмцевъ» и на самый Псковъ. Неавистное имя и тутъ сплеталось, если не съ перекитыми, то съ грядущими несчастьями.

13 февраля 1650 года торговавшій въ Москвѣ сковичъ Яковъ Чюваевъ пріѣхалъ во Псковъ съ 5.000 рублей на покупку хлѣба для пополненія сковскихъ продовольственныхъ запасовъ — «государевыхъ житницъ» и для обычной въ то время опеаціи — покупки иностранныхъ золотыхъ монетъ, коорыя перечеканивались и ходили вмѣсто русскихъ енегъ.

Затѣмъ, 16 февраля богатѣйшій изъ псковскихъ упцовъ, финансовый агентъ московскаго правительтва, Ѳедоръ Емельяновъ получилъ изъ Москвы айный приказъ — купить «про государевъ обиходъ» о высокой цѣнѣ 2000 четвертей хлѣба. Мосовскіе политико-экономы рѣшили увеличить выгодость уплаты хлѣбомъ долга Швеціи за «перебѣжиковъ» посредствомъ искусственнаго повышенія цѣнъ «на нѣмецъ въ хлѣбѣ цѣны прибавить»). Этотъ приазъ — явно опасный для населенія, притомъ-же и существлялся Емельяновымъ не безъ злоупотребленій: орожанамъ не давали покупать хлѣбъ на рынкѣ — на ряду», былъ воспрещенъ подвозъ хлѣба изъ ѣзда. Псковичи давно уже злобились на Емельяова — и за его дружбу къ «нѣмцамъ», и за перепису съ нарвскимъ «нѣмчиномъ Арманомъ Ѳомѣеымъ, и за похвалы «нѣмецкой вѣрѣ», и за «воров-

ство» при сборѣ пошлинъ, и за похвальбу, что ег
Емельянова, «всѣмъ городомъ боятся». Приказъ
скупкѣ хлѣба давалъ новый поводъ къ неудовол
ствіямъ, еще болѣе усилившимся, вслѣдствіе устр
енной Емельяновымъ пирушки съ «нѣмцами».

Черезъ недѣлю — 24 февраля — псковской воевод
окольничій Никифоръ Собакинъ, получилъ указ
отмѣрить изъ государевыхъ житницъ 10.000 четверт
ржи и вывезти ее въ амбары близъ нѣмецкаго гост
наго двора. Для пріемки этого хлѣба долженъ бы
пріѣхать «свейскій нѣмчинъ Логинъ Лаврентьев
(Левинъ Нуммен съ). Указъ былъ данъ изъ прика
Большой Казны, которымъ недавно еще правилъ М
розовъ, а теперь его тесть и «подручникъ» — Ми
славскій.

Черезъ два дня встревоженные «псковичи, поса
скіе и всякихъ чиновъ многіе люди, опричь дворя
и дѣтей боярскихъ», всего «болши трехсотъ чел
вѣкъ», явились къ своему «печальнику» — архіеп
скопу Макарію — просить заступничества у воевод
чтобы задержать выдачу хлѣба, пока псковичи «
бьютъ челомъ» объ этомъ государю. Рѣшеніе
давать хлѣба твердо сложилось уже: «воленъ Бо
да государь, станемъ у житницъ сами, хотя вели
государь всѣхъ перевѣшать, а въ Свейскую зем
хлѣба изъ государевыхъ житницъ не давать», гов
рили псковичи. Макарій не могъ самъ рѣшить это
дѣла и послалъ за воеводой. Челобитчики встрѣти
воеводу просьбой не отпускать хлѣба, но въ отвѣ
услыхали обычныя воеводскія рѣчи:

— Хлѣбъ я, по государевой грамотѣ, отда
нѣмцамъ, а не вамъ псковичамъ. Вы, пскович
изберите лучшихъ людей, кого изъ васъ повѣсить,
издѣваясь, добавилъ Собакинъ.

Когда воевода пришелъ къ Макарію и позва
въ его палаты «лучшихъ людей человѣкъ съ дв
дцать», архіепископъ сталъ просить воеводу обожда
съ отпускомъ хлѣба, но тотъ снова отвѣтилъ отказом

— Я васъ не слушаю, а слушаю государева казa и хлѣбъ возить велю.

Затѣмъ воевода укорялъ псковичей за дѣйствія опомъ и обзывалъ ихъ мѣстнымъ браннымъ словомъ ликунъ». Начался споръ, крики: «учала межъ ихъ ыть выпрека большая». Воевода пытался было арестовать заводчиковъ, но тѣ ушли. Возстаніе началось съ этого дня: «весь день и ночь всю учали одить гилемъ». Но все-же псковичи рѣшили идти аконнымъ путемъ — послать царю челобитную.

На другой день, какъ разъ во время сходки для тенія челобитной, пріѣхалъ изъ Москвы Левинъ умменсъ. Онъ везъ, возвращаясь въ Швецію, 0.000 рублей деньгами, бочки съ собольими мѣхами должен былъ получить во Псковѣ 10.000 четертей хлѣба. Вѣсть о пріѣздѣ «нѣмца съ государевой казной» всѣхъ всполошила: народъ бросился ъ Нуммесу и остановилъ его. Нѣкоторые предлаали посадить «нѣмчина» въ воду, но въ концѣонцовъ рѣшили сначала допросить его. Во время опроса, Нуммесъ неосторожно упомянулъ о знаомомъ ему Емельяновѣ, и псковичи вспомнили про айный царскій приказъ. Самъ Емельяновъ успѣлъ крыться, но это не помѣшало отобрать у его жены айную грамоту и прочесть ее. И снова имя Морова сплелось съ движеніемъ. Въ концѣ грамоты начилось: «а сего-бъ нашего указу нихто у васъ вѣдалъ». Значитъ — грамота послана въ тайнѣ тъ государя, значитъ это — дѣло морозовскихъ рукъ!

Узнавъ о волненіяхъ, архіепископъ Макарій съ бразомъ на рукахъ и воевода, въ сопровожденіи ьяковъ, немногихъ бывшихъ въ то время во Псковѣ ворянъ и дѣтей боярскихъ, вышли на площадь къ ароду и стали его уговаривать. Это не помогло, днако, какъ не утишило криковъ и всенародное теніе государевой проѣзжей грамоты, выданной Нумменсу. Псковичи кричали, что эта грамота послана езъ государева указа, «норовя нѣмцамъ», и что

казны въ Свейскую землю они не пустятъ. Воевод
писалъ впослѣдствіи, что ему даже грозили при этом
убійствомъ.

Отобранная у Нумменса казна и соболя были за
печатаны на монастырскомъ подворьи и охранялись
вмѣстѣ съ посаженнымъ «за приставы» Нумменсом
оригинальною «всесословною» стражей изъ пяти свя
щенниковъ, пяти посадскихъ и 20-ти стрѣльцовъ
Толпа-же двинулась къ дому Емельянова и разгро
мила его.

1-го марта архіепископъ созвалъ «гражанъ» в
соборъ къ молебну, послѣ котораго прочелъ текст
присяги государю. Собравшіеся «всѣ до одного чело
вѣка сказали, что государю въ крестномъ цѣлован
крѣпки и помремъ за государя своего». Возставші
сознательно выдѣлили государя изъ числа виновныхъ
возстаніе было не противъ государя, а проти
бояръ.

Послѣ молебна, возставшіе избрали своего род
«временное правительство», въ которое вошли: пл
щадной подъячій Томило Слѣпой и стрѣльцы Прохор
Коза и Никита Сорокоумъ. «Правительство» присту
пило къ вторичному допросу Нуммепса, не давшее
никакихъ результатовъ.

На слѣдующій день передъ началомъ вечер
собралось вѣче и постановило, по словамъ Макарія
приговоръ о томъ, чтобы «учинить имъ крестное цѣло
ванье и добрыхъ-бы людей къ крестному цѣлован
приневолить: чтобъ имъ съ ними вмѣстѣ стоя
другъ за друга за одинъ человѣкъ». Этимъ во
ставшіе хотѣли обезпечить себя отъ неизбѣжной в
концѣ-концовъ московской расправы.

Макарій снова выступилъ въ роли политическа
дѣятеля: созвалъ псковскихъ священниковъ и пр
казалъ имъ идти въ народъ отговаривать отъ кр
говой поруки, хотя-бы за это пришлось отъ бу
товщиковъ «и до крови пострадать». Священни
должны были сверхъ того пустить въ обращеніе иде

созывѣ особаго общегородского совѣта для составленія челобитныхъ. И то, и другое Макарію удалось сдѣлать и движеніе временно затихло. Челобитная была составлена, подписана и направлена въ Москву 9-го марта черезъ Новгородъ.

Во время этого затишья начался бунтъ въ Новгородѣ, о которомъ будетъ рѣчь впослѣдствіи.

Въ самый день царскихъ именинъ — 17 марта изъ Новгорода пришло извѣстіе, будто новгородскій воевода арестовалъ псковскихъ челобитчиковъ. Эта вѣсть «замутила весь Псковъ. Случайно, въ тотъ-же день пріѣхалъ изъ Новгорода гонецъ Богданъ Арцыбашевъ съ царскимъ приказомъ Емельянову и его товарищу Чюваеву — не покупать больше во Псковѣ хлѣба для государева обихода, т. е. для вывоза въ Швецію. Арцыбашевъ ѣхалъ изъ Москвы черезъ Новгородъ, куда привезъ такой-же приказъ, и очень торопился. Народъ обступилъ гонца и привелъ къ земской избѣ.

Отказъ Арцыбашева добровольно отдать возставшимъ государеву грамоту, вызвалъ насильственное отобраніе не только ея, но и посланныхъ съ Арцыбашевымъ изъ Новгорода записокъ: новгородскаго воеводы Хилкова къ архіепископу Макарію, новгородскаго купца Семена Стоянова къ какому-то «нѣмчину-пообченину» и къ женѣ Емельянова. Государеву грамоту возставшіе сами вскрыть не осмѣлились, а посылали за Чюваевымъ, который и прочелъ ее всенародно. Грамота шла изъ приказа Большой Казны, которымъ когда-то правилъ Морозовъ...

Оглашеніе грамотъ и записокъ, вѣроятно, неправильно понятыхъ народомъ, вызвало среди псковичей большой шумъ. Кричали, что Арцыбашевъ ѣдетъ не изъ Москвы — «въ шестой день съ Москвы во Псковъ поспѣть было не умѣть», что «грамота воровская изъ Новагорода, а не государева» и привезъ ее не царскій посланецъ, а холопъ боярина Морозова и новгородскаго воеводы. Сомнѣнія возбудило главнымъ

образомъ то обстоятельство, что у грамоты не было подписей дьяковъ и печать была не красная; а «государевы-де грамоты бываютъ за дьяческими руками и за подъяческими справками, и печати государевы бываютъ красныя».

Арцыбашевъ былъ закованъ и посаженъ на цѣпь, а толпа отправилась искать воеводу и архіепископа. По случаю дня Алексѣя Божія человѣка Макарій и воевода были на храмовомъ праздникѣ въ Надолбинскомъ монастырѣ и, возвращаясь оттуда, встрѣтились съ толпою въ городскихъ Рыбницкихъ воротахъ.

— Для чего списываешься съ новгородскимъ окольничьимъ? — спрашивали Макарія. — По твоему письму и нашихъ челобитчиковъ оковавъ къ Москвѣ послали...

Макарій отвѣчалъ, что писалъ новгородскому воеводѣ только «о здоровьѣ изъ благодарности за хлѣбъ-соль». Псковичи стали просить, чтобы Макарій выдалъ имъ своего сына боярскаго Михаила Турова, который спряталъ и увезъ изъ Пскова Емельянова. Макарій уклонился-было, но разошедшіеся псковичи міромъ его «водили по площади и посадили на чепь въ богадѣльню». За уклончивость архіепископъ просидѣлъ на «чепи» около часа и просилъ у псковичей сроку до 19 марта на розыскъ якобы сбѣжавшаго отъ него Турова.

Начались безконечные и безплодные допросы возставшими Арцыбашева и Нумменса; послѣдняго даже пытали, добиваясь отъ него подтвержденія пришедшихъ изъ Новгорода новыхъ тревожныхъ извѣстій о томъ, будто на Троицынъ день нѣмцы будутъ «имать» Псковъ.

Въ возстаніе вливалась новая струя — самообороны отъ исконнаго порубежнаго врага — «нѣмца».

26 марта принеслись изъ Новгорода новые слухи все о томъ-же «нѣмецкомъ нашествіи», осложненные новыми подробностями. Крестьянинъ Артемъ Ивановъ, подтверждая новгородскіе слухи о шведскомъ наше

ствіи, прибавилъ слухъ и о томъ, что «какъ будутъ нѣмцы подо Псковъ, быть изъ Москвы государеву боярину Борису Ивановичу Морозову на выручку, а ему-де Псковъ сдать нѣмцамъ безъ бою». Псковской помѣщикъ Перетрутовъ добавлялъ къ этому слухъ о посылкѣ во Псковъ для сыска московскихъ стрѣльцовъ и о походѣ государя подъ Новгородъ.

Послѣ этихъ рѣчей «во всемъ народѣ до остатка учинился мятежъ и туга великая и молва». Положеніе повѣрившихъ слухамъ псковичей оказывалось дѣйствительно довольно труднымъ. Съ одной стороны грозили нѣмцы, съ другой—Москва; за походомъ подъ Новгородъ могъ слѣдовать и походъ подъ Псковъ. Естественно было задуматься о мѣрахъ къ самооборонѣ, особенно въ виду возможнаго прибытія «на выручку» Пскова злѣйшаго изъ враговъ народныхъ—Морозова.

27 марта псковское временное правительство приступило къ дѣйствіямъ по обезпеченію городской обороны. Стрѣльцы явились къ смѣстившему Собакина новому воеводѣ князю В. П. Львову въ съѣзжую избу и просили выдать имъ пороху и свинцу. Львовъ отвѣтилъ, что ему неизвѣстно, давали-ли прежніе воеводы «на пріѣздѣ» стрѣльцамъ порохъ и свинецъ и обѣщалъ навести объ этомъ справки. Стрѣльцы согласились обождать одинъ день и 28 марта староста Гаврилъ Демидовъ «съ товарищи» явились къ воеводѣ въ съѣзжую избу за отвѣтомъ. Воевода спросилъ:

— На что вамъ порохъ и свинецъ, али что изъ-за рубежа слышно? У великаго государя съ Литовскимъ и съ Нѣмецкимъ государствомъ мирно. Буде-же, что изъ-за рубежа слышно, мы пошлемъ провѣдывать,— говорилъ Львовъ и услыхалъ въ отвѣтъ фразы, въ высшей степени характерныя для тогдашнихъ отношеній народа къ правительству:

— И тѣ намъ нѣмцы, кои съ Москвы будутъ по наши головы, — сказалъ стрѣлецъ Коза.

— Изъ-за рубежа не слыхать ничего, — отвѣчали другіе. — Боимся московскаго рубежа,

Слышали мы, что идутъ съ Москвы къ намъ во Псковъ многіе служилые люди.

— Али вамъ съ государемъ драться? — не поддавался воевода. — Пороху и свинцу вамъ не дамъ, развѣ ужъ задавивъ меня, снимите печать и ключи казенные...

Поднялся шумъ, крики: «съ ружьемъ, съ ружьемъ!», ударили въ сполошный колоколъ и къ съѣзжей избѣ набѣжало на вѣче много народа. Въ воеводу прицѣливались изъ пищалей, грозились убить, «бранили всякими позорными словами», называли измѣнникомъ, а стрѣлецъ Иванъ Колчинъ хотѣлъ даже «срубить топоромъ». Воевода снялъ со стѣны икону и закричалъ:

— Православные христіане, какого вы во мнѣ нашли измѣнника государю? Вотъ вамъ на то Спасовъ образъ, что я не измѣнникъ государю...

Большинство допрошенныхъ впослѣдствіи очевидцевъ указывали, что порохъ и свинецъ были взяты «сильно». «Зелья» и свинцу взяли по фунту. Но этимъ дѣло не кончилось. Не заслуживавшаго довѣрія воеводу привели во всегородную избу, снова бранили измѣнникомъ и требовали у него городскихъ ключей.

— Отдай ключи городовые, ты государю во всемъ измѣняешь, — говорили возставшіе.

Воевода пытался отговориться тѣмъ, что ключи остались у него дома, но толпа заставила его идти домой и отобрала-таки у него ключи «для обереганья государевой отчины города Пскова и своихъ головъ, православнаго христіанства», какъ писалось потомъ въ челобитной къ царю.

Послѣ этого настроеніе возставшихъ стало принимать все болѣе воинственный характеръ. 30 марта — въ день въѣзда государева посла князя Волконскаго — возставшіе снова заставили трепетать всѣхъ «лучшихъ» людей.

Князь Ѳ. Ѳ. Волконскій съ дьякомъ Герасимомъ Дохтуровымъ были посланы во Псковъ для сыска съ

царскою грамотой, которая, выясняя истинныя причины отпуска въ Швецію денегъ и хлѣба и пересказывая полученныя въ Москвѣ свѣдѣнія о ходѣ псковскаго «воровскаго завода и межусобья», убѣждала псковичей говорить на сыскѣ правду, «чтобъ правые по своей правдѣ отъ виноватыхъ были отмѣнны, а воры и заводчики и мятежники сысканы».

Земскіе псковскіе старосты, повидимому, не безъ умысла отвели Волконскому квартиру на дворѣ Ѳедора Емельянова. Это дало поводъ къ уличнымъ крикамъ: «измѣнникъ на измѣнничьемъ дворѣ и сталъ». Волконскій со своей стороны нашелъ, что ему на «Ѳедоровомъ дворѣ стоять непригоже». Старосты сообщили объ этомъ «міру», понеслись крики, чтобы привести Волконскаго въ земскую избу и услышать отъ него «съ чѣмъ пріѣхалъ».

Волконскій не согласился ѣхать въ избу, а отправился къ обѣднѣ въ соборъ верхомъ на лошади. Едва онъ въѣхалъ въ Кремль, какъ понеслись крики — «убейте его каменьемъ, измѣнника». Волконскій поскакалъ къ собору, но возставшіе ворвались за нимъ и потащили вонъ изъ храма, нанося побои. Избитаго и окровавленнаго Волконскаго привели къ всегородной избѣ, поставили на чанъ и стали спрашивать — съ чѣмъ пріѣхалъ. Волконскій далъ презрительный отвѣтъ:

— Съ чѣмъ присланъ, то и стану дѣлать.

Тогда у него отняли государеву грамоту и наказъ. Оглашеніе этихъ документовъ еще болѣе раздражило толпу. Въ наказѣ перечислялись заводчики возстанія, которыхъ предписывалось казнить, а остальныхъ наказать. Толпа двинулась на Волконскаго съ криками:

— Государь прислалъ казнить насъ, а мы здѣсь скорѣе казнимъ того, который присланъ насъ казнить.

Вмѣшательство выборныхъ людей спасло Волконскаго отъ самосуда толпы; его проводили на новую

квартиру — въ домъ посадскаго Черноусова и приставили 20 караульныхъ.

Затѣмъ привели бывшаго воеводу Собакина, тоже поставили на чанъ и «порывались его убить», говоря, что не выпустятъ его изъ Пскова потому, что онъ писалъ государю будто во Псковѣ хлѣбъ дешевъ и хотѣлъ псковичей безъ хлѣба уморить голодомъ. «Съ нами буди на дешевомъ хлѣбѣ!» кричали ему

Покончивъ съ царскимъ посломъ и бывшимъ воеводой, возставшіе принялись за сопровождавшаго Волконскаго дьяка Дохтурова, допытываясь, были-ли они отпущены съ государева вѣдома. Дохтуровъ сказалъ, что отпущены они съ вѣдома государя и были даже передъ отъѣздомъ «у царской руки», но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ и нѣчто подозрительное: Дохтуровъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, а Волконскій показалъ ему свой наказъ только по выѣздѣ изъ Москвы — въ селѣ Черкизовѣ.

Въ это время вернулись во Псковъ казаки, посланные «для вѣстей» въ Новгородъ. Они сообщили о событіяхъ въ Новгородѣ, гдѣ тоже происходили волненія. Новгородскія извѣстія еще болѣе повысили настроеніе.

— Не одни мы то учинили,—кричали въ толпѣ.— И новгородцы такъ-же сдѣлали. Теперь въ томъ дѣлѣ два города.

Такъ окончился первый мѣсяцъ псковскаго возстанія.

Изъ показаній очевидцевъ довольно трудно установить, изъ кого именно состояло временное правительство, избранное возставшими, тѣмъ болѣе, что выборные для составленія челобитной не расходились и послѣ отправки челобитной, а засѣдали въ земской избѣ, тогда какъ избранники «гилевщиковъ» собирались во всегородной избѣ. Въ сущности, всѣмъ распоряжалось и завѣдывало временное правительство, избранное возставшими, но нѣкоторыя функціи, очевидно, умышленно выполнялись въ при-

сутствіи выборныхъ отъ «всѣхъ чиновъ». Такъ, нѣкоторые допросы производились въ земской, а не всегородной избѣ; въ земской избѣ сообщали слухи о нѣмецкомъ приходѣ указанные выше люди. Между правительствомъ возставшихъ и выборными «всѣхъ чиновъ» людьми установились, повидимому, болѣе или менѣе опредѣленныя взаимоотношенія, особенно по вопросу о псковской оборонѣ.

Составъ временнаго посадскаго правительства обновлялся. Ко второй половинѣ апрѣля, во всегородной избѣ сидѣли уже съ другими лицами три представителя духовенства: протоіерей Аѳанасій и ключарь Діонисій, которые, по словамъ Вельяминова, сидѣли тамъ «по неволѣ», и попъ Георгіевской съ Болота церкви Яковъ, который, по отзыву того-же свидѣтеля, «ко всякому заводу и умыслу приставаетъ и думаетъ съ ними вмѣстѣ».

Сверхъ описанныхъ уже дѣйствій посадскаго правительства, оно, совмѣстно съ засѣдавшими въ земской избѣ выборными, творило судъ и расправу. Такъ, напримѣръ, были пойманы два грабителя — кабацкіе ярыжки, — которыхъ «били кнутомъ въ проводку, одного отъ земской избы до тюрьмы, а другого отъ земской-же избы за Петровскія ворота». Разыскивался и человѣкъ, ударившій государева посла князя Волконскаго обухомъ по головѣ, но его не могли сыскать.

Мысль о необходимости составить и послать царю вторую челобитную явилась у псковичей еще раньше, чѣмъ они получили отвѣтъ на первую свою челобитную. Страстная недѣля и Пасха вызвали временное затишье во Псковѣ — всѣ силы были, видимо, устремлены на составленіе челобитной. 4 и 9 апрѣля въ земскую избу были принесены двумя пріѣзжими новыя и довольно тревожныя вѣсти. Дѣло въ томъ, что посадскій Никитка Іевлевъ и стрѣлецъ Максимко Ѳирсовъ были по торговымъ дѣламъ въ Швеціи и одинъ слышалъ, а другой — Ѳирсовъ — и видѣлъ въ

Нейгаузенѣ на городскихъ воротахъ «листъ великой», на которомъ вверху была изображена сидящею съ мечомъ въ рукахъ «Свѣйской земли королева», а внизу стоялъ, склонившись, государь Алексѣй Михайловичъ. Это была, очевидно, лубочная патріотическая картина, но ея содержаніе глубоко затронуло псковичей, увидавшихъ здѣсь и неумѣстную «похвальбу», и угрозу, подтверждавшуюся слухами о нѣмецкомъ нашествіи.

На четвертый день Пасхи — 17 апрѣля — въ Москвѣ былъ подписанъ царскій отвѣтъ на первую челобитную псковичей и врученъ челобитчику Сысойкѣ Григорьеву. Отвѣтъ, послѣ обычнаго адресованія и изложенія содержанія челобитныхъ, начинался съ пространнаго указанія на принесенную псковичами присягу въ вѣрности государю, на статьи Соборнаго уложенія о политическихъ преступленіяхъ, затѣмъ перечислялись проступки псковичей и въ концѣ-концовъ предъявлялось требованіе о выдачѣ людей «учинившихъ во Псковѣ воровской заводъ» князю Волконскому и объ отпускѣ Собакина въ Москву.

Въ первыхъ числахъ мая изъ Пскова отправилось въ Москву со второю челобитной цѣлое посольство. Дворяне и дѣти боярскіе послали отъ себя съ особой миссіей псковскаго помѣщика Воронцова-Вельяминова. Сверхъ того окольными путями былъ посланъ въ Москву отъ возставшихъ псковичей къ боярину Никитѣ Ивановичу Романову съ просьбою о заступничествѣ казакъ Мокѣйка Карповъ.

12 мая челобитчики предстали предъ государевы очи. Представитель дворянъ — Воронцовъ-Вельяминовъ, отъ лица «своей братіи дворянъ и дѣтей боярскихъ» заявилъ, что они подписали челобитную «въ неволѣ, потому что мірскіе люди захватили ихъ по невелику». Между тѣмъ въ дѣйствительности представители дворянъ и боярскихъ дѣтей сидѣли въ земской избѣ и составляли вмѣстѣ съ другими чело-

битную. Затѣмъ Воронцовъ-Вельяминовъ заявилъ, что дворяне и дѣти боярскіе ни въ чемъ съ челобитною не согласны и челомъ государю не бьютъ, и перешелъ къ доносу, поименно называя зачинщиковъ возстанія и членовъ посадскаго правительства.

Отвѣтъ на вторую челобитную былъ изготовленъ довольно скоро — въ одну недѣлю и 19 мая былъ врученъ псковскимъ челобитчикамъ. По всѣмъ пунктамъ получали отказъ псковичи; отказъ еще болѣе рѣшительный, чѣмъ въ отвѣтѣ 17 апрѣля.

Псковичи жаловались на поступки Емельянова, просили прислать его во Псковъ на очную ставку съ площаднымъ подъячимъ Шемшаковымъ, обвинявшимъ Емельянова въ измѣнѣ. Въ этомъ было усмотрѣно какъ-бы оскорбленіе государя: «холопи намъ, великимъ государямъ, николи не указывали». Псковичи, жалуясь на притѣсненія со стороны начальныхъ людей, мотивировали отсутствіе жалобъ на это тѣмъ, что начальные люди запугивали ихъ, между прочимъ, и тѣмъ, что въ случаѣ челобитій о недодачѣ государева жалованья — «есть на Москвѣ образецъ Сибирь», куда послано уже изъ Москвы не мало служилаго люда «и межъ горъ въ пропастяхъ построено», и псковичи не били челомъ, вспоминая сколь многіе «съ Москвы въ ссылки поразосланы, и многія христіанскія души помучены и палицами побиты, и иные и въ воду потоплены». Царская грамота отвѣчаетъ на это увѣреніемъ, что жалованье всѣмъ выдается по государеву указу, что въ Сибирь ссылаются одни преступники, «а въ воду не сажаютъ и палками не побиваютъ и въ пропасти никуды не посылаютъ». Упоминаніе въ челобитной имени Морозова, по поводу приведенныхъ выше слуховъ о мнимомъ походѣ Морозова на выручку Пскова отъ нѣмцевъ, вызвало длинное перечисленіе заслугъ Морозова и его предковъ и вовсе неуспокоительное заявленіе о томъ, что Морозовъ «по ся мѣста (т. е. до сихъ поръ) намъ (царю) служитъ

вѣрно и о нашихъ земскихъ дѣлахъ радѣетъ». Посылка особой грамотки къ боярину Романову и просьба прислать во Псковъ для сыска именно этого боярина, который государю о всемъ радѣетъ «и о землѣ болитъ», — тоже была истолкована какъ оскорбленіе. Царскій отвѣтъ, указывая, что Романовъ такой-же бояринъ, какъ и всѣ, и что царскихъ недоброхотовъ среди бояръ нѣтъ, величаво заявляетъ: «а для своихъ дѣлъ мы, великій государь, посылаемъ бояръ нашихъ, кого изволимъ, а вамъ о томъ бити челомъ съ указомъ не довелось». На просьбу псковичей установить, чтобы въ судѣ, (какъ и было въ старину, воеводы судили вмѣстѣ съ земскими старостами и выборными людьми, царская грамота отвѣчала, что объ этомъ «не токмо что бить челомъ и мыслить было о томъ не довелось; и того при предкахъ нашихъ, великихъ государяхъ царяхъ, николи не бывало, что мужикамъ съ бояры и съ окольничьими и воеводы у расправныхъ дѣлъ быть, и впередъ того не будетъ».

Въ заключеніе грамота требовала «принесенія винъ» и немедленной отдачи десяти «воровъ и заводчиковъ». Въ случаѣ-же, если-бы псковичи не захотѣли «принести вины» и выдать указанныхъ лицъ, грамота грозила имъ «государской большой опалой, и разореньемъ» отъ посылаемой во Псковъ рати подъ командой князей А. Н. Трубецкаго и М. П. Пронскаго.

Случай потушить движеніе, возникшее на почвѣ недоразумѣній и притѣсненій мѣстныхъ властей, былъ упущенъ. Московское правительство вступало въ препирательства съ возставшими, становилось на одинъ уровень съ ними и стремилось доказать свою власть, которой у него фактически не было въ данномъ случаѣ, какъ увидимъ ниже.

Такой отвѣтъ на челобитную не запугалъ псковичей, а только ожесточилъ. Они воочію убѣдились теперь, что правды въ Москвѣ имъ не найти. Возставшіе пытали челобитчика Ѳедьку Коновала, при-

везшаго царскій отвѣтъ, подозрѣвая, что онъ стакнулся съ измѣнниками-боярами, что подлинный царскій отвѣтъ былъ-бы иной, но пытка кончилась ничѣмъ. Самый-же отвѣтъ на челобитную возставшіе не оглашали: лучшіе люди и менѣе рѣшительные изъ возставшихъ могли, пожалуй, и согласиться на выдачу упомянутыхъ въ грамотѣ лицъ.

Между тѣмъ, въ началѣ мая пришла въ Москву грамота отъ Волконскаго о томъ, что «псковичи въ сыскъ не дались» и «учинились непослушны». Разсерженный Алексѣй Михайловичъ указалъ было снарядить во Псковъ особую военную экспедицію, но раздумалъ и приказалъ идти подъ крамольный городъ усмирителю новгородскихъ бунтовщиковъ князю Хованскому.

Хованскій выступилъ изъ Новгорода, 28 мая подошелъ къ Пскову и сталъ на Снѣтной горѣ приблизительно съ двумя тысячами человѣкъ, оставивъ за десять верстъ въ Любятинскомъ монастырѣ человѣкъ до семисотъ подъ командой князя Мещерскаго. Псковичи не даромъ ходили къ Львову за «зельемъ» и свинцомъ: войска Хованскаго были встрѣчены жестокимъ орудійнымъ и пищальнымъ огнемъ, ранившимъ нѣсколько человѣкъ. Затѣмъ псковичи напали на обозъ и захватили шесть телѣгъ со скарбомъ самаго князя Хованскаго. Вообще, положеніе «покорителя и усмирителя» было не завидно: людей у него было мало, запасы и припасы отсутствовали, такъ что волей-неволей приходилось отказаться отъ нападенія на бунтовщиковъ и ограничиваться только сторожевою службой. Да и та шла плохо...

Между тѣмъ, бунтъ не угасъ съ приходомъ карательнаго отряда. Наоборотъ: псковичи подбили къ возстанію гдовцевъ и заявляли, что если-бы и еще больше войско пришло — не сдадутся. Воинственный пылъ подогрѣвался новыми слухами — будто царь Алексѣй Михайловичъ уже уѣхалъ изъ Москвы отъ страха, чтобы его не извелъ Морозовъ, и собирается

идти изъ Литвы съ литовскими людьми на выручку псковичей.

Посланные Хованскимъ къ псковичамъ парламентеры — Савва Бестужевъ съ одиннадцатью товарищами — частью были убиты, частью «вкинуты» въ тюрьму и только двое вернулись въ станъ Хованскаго. Псковичи грозились Хованскаго въ котлѣ сварить и съѣсть...

Неудачною оказалась и попытка новгородскаго усмирителя — митрополита Никона, будущаго патріарха. Посланный имъ для увѣщанія псковичей съ грамотами къ нимъ стряпчій Богданъ Сназинъ долженъ былъ выслушать много нелестныхъ, хотя въ сущности и справедливыхъ рѣчей про новгородскаго владыку.

— Мы его отписокъ не слушаемъ, — кричали собравшіеся у всегородной избы псковичи. — Будетъ съ него и того, что новгородцевъ обманулъ, а мы не новгородцы, повинныхъ намъ къ государю не посылывать, и вины надъ собою никакой не вѣдаемъ...

Сназина посадили было въ оковахъ въ тюрьму, но потомъ отпустили обратно къ Никону съ отвѣтною грамотой, въ которой энергично указывалось владыкѣ, впредь воздержаться отъ уговоровъ и посылки парламентеровъ.

Долго стоялъ Хованскій подъ Псковомъ. По временамъ, осажденные бунтовщики дѣлали вылазки: 31 мая сожгли выстроенный Хованскимъ острожекъ у Снѣтной горы, затѣмъ бились 18 іюня. Надежды на усмиреніе у Хованскаго не было: псковичи говорили ему «многіе грубные слова», «скверными лаями» лаяли и даже приказывали отойти отъ Пскова — «мы-де и безъ тебя (Хованскаго) вины свои государю принесемъ».

Московское правительство не рѣшалось на крутыя мѣры и «рати» на Псковъ не высылало. Прошелъ весь іюнь — псковичи и не думали о сдачѣ. Москва рѣшила кончить дѣло миромъ и 4 іюня вы-

слала въ Псковъ «посылку» (депутацію) изъ разныхъ чиновъ людей.

«Для унятія христіанской крови» было приказано ѣхать во Псковъ: коломенскому и каширскому епископу Рафаилу, андроніевскому архимандриту Сильвестру, черниговскому протопопу Михаилу и двѣнадцати выборнымъ изъ дворянъ и торговыхъ людей. По пріѣздѣ во Псковъ Рафаилъ долженъ былъ прочесть грамоту псковичамъ и — жалѣя о «гиблющихъ душахъ» — всячески ихъ увѣщевать покориться и выдать заводчиковъ — Бородина, Демидова, Козу, Копыто и Мошницына, а при непослушаніи — грозить «конечнымъ разореньемъ». Вслѣдъ за отправкою «посылки», патріархъ Іосифъ тоже отправилъ псковичамъ увѣщательную грамоту отъ 13 іюля, обѣщая дать благословеніе при послушаніи и угрожая отлученіемъ отъ «христіанства и святыни» при ослушаніи.

Медленно двигалась «псковская посылка». Изъ стана Хованскаго прилетали только недобрыя вѣсти. Къ возставшимъ «прилагались» уже пригороды. Хованскій могъ ожидать только «всякаго худа отъ малолюдства». Положеніе обострялось: смута распространялась по всей Псковской землѣ. Начались аграрные погромы. Псковскіе «воры» ходили изъ города въ уѣзды и истребляли помѣщиковъ, подвергая ихъ звѣрскимъ казнямъ. «Воры» проникали даже въ новгородскія земли — Шелонскую и Водскую пятины. «Многіе люди, — писалъ царю Никонъ, — дворяне и дѣти боярскія, ихъ жены и дѣти посѣчены и животы ихъ пограблены, села и деревни пожжены, а иные всякихъ чиновъ люди подо Псковомъ и на дорогахъ побиты». Хованскій былъ безсиленъ бороться съ разливавшимся движеніемъ.

Безсильнымъ оказывалось и московское правительство. Въ «бунташные» пятидесятые годы XVII вѣка приходилось задумываться о способахъ усмиренія. Запугиванія не имѣли успѣха, а громить Псковъ было опасно въ виду напряженнаго состоянія крестьян-

скихъ умовъ по всей странѣ. Въ Москвѣ колебались. Никонъ слалъ царю изъ Новгорода отписки, чтобы кончать дѣло миромъ, увѣрялъ, что «Пскова не взять; которые люди подъ Псковомъ и тѣхъ придется потерять», что «у псковичей учинено укрѣпленье великое и крестное цѣлованье было, что другъ-друга не выдать, а тѣ четыре человѣка, которыхъ велятъ имъ выдать, во Псковѣ владѣтельны и во всемъ ихъ псковичи слушаютъ».

Выходъ изъ затрудненія былъ одинъ только: выслушать «голоса земли». 26 іюля 1650 года собрался въ Москвѣ земскій соборъ по дѣлу «о псковскомъ воровскомъ заводѣ» въ обычномъ составѣ: бояре, окольничьи и московскіе служилые люди, дворяне и дѣти боярскія изъ другихъ городовъ, московскіе гости, торговые люди, сотскіе отъ «черныхъ людишекъ» и стрѣльцовъ.

Собравшимся на соборъ было прочитано длинное сообщеніе о «воровскомъ заводѣ» псковичей и поставленъ затруднявшій правительство вопросъ: что дѣлать, если псковичи не послушаютъ епископа Рафаила и выборныхъ?

Къ сожалѣнію, свѣдѣній объ отвѣтѣ собора не сохранилось, но, повидимому, «совѣтные люди» склонялись къ мирному рѣшенію дѣла. Рафаилу была отправлена грамота, чтобы вовсе не требовать выдачи заводчиковъ и обѣщать, что при покорности псковичей — Хованскій тотчасъ-же отступитъ отъ города, а всѣ преступники будутъ прощены. Правительство шло на уступки.

Во Псковѣ мятежники не унимались. Въ уѣзды были посланы шайки «шишей», которые грабили и убивали помѣщиковъ. Не прекращались и стычки съ Хованскимъ, безсильнымъ предпринять противъ «воровъ» что-нибудь рѣшительное. Псковскій архіепископъ Макарій, какъ ловкій политикъ, старался держаться въ сторонѣ отъ «воровскаго завода» и для соблюденія «нейтралитета» — воспрещалъ своей дворнѣ

участвовать въ «крамольничьихъ» вылазкахъ и нести караульную службу. Это, конечно, не укрылось отъ «воровъ». Однажды они явились къ Макарію въ Троицкій соборъ и кричали, грозясь даже убить:

— Въ Троицкомъ дому до людей, до лошадей, до хлѣба и до денегъ — тебѣ дѣла нѣтъ. То надобно городу...

Но Макарій не сдавался и когда 30 іюля къ нему пришли выборные по дѣлу объ устройствѣ «іордани» въ день перваго Спаса — онъ сталъ уговаривать ихъ отстать отъ «воровскаго дѣла», повиниться и прочелъ подходящія мѣста изъ Псковской лѣтописи.

По этому поводу было немедленно созвано вѣче, рѣшившее для безопасности посадить Макарія на «чепь» въ богадѣльнѣ. Главари «гиля» очень боялись, какъ-бы революціонная волна не опала подъ вліяніемъ увѣщаній, какъ-бы исконные ихъ враги — «лучшіе люди» не взяли верхъ въ народномъ мнѣніи. Эти страхи были не безосновательны — лучшіе, богатые люди не простили «подлымъ людишкамъ» ихъ возстанія.

3 августа въ Москву пришла вѣсть, что Хованскому учинилась «тѣснота отъ воровъ-псковичъ», которые, «выходя изъ города, запасы громятъ, и ратныхъ людей многихъ побиваютъ, и уѣзды воюютъ». Государь въ сердцахъ указалъ было — «послать на тѣхъ воровъ воеводъ, уѣздовъ уберегать, и запасы подо Псковъ приводить».

Но эта посылка не состоялась: 17 августа во Псковъ вошла другая «посылка» — епископъ Рафаилъ со всѣми выборными, за полверсты отъ города встрѣченный освобожденнымъ отъ цѣпи Макаріемъ и народомъ. Послѣ торжественнаго молебна въ соборѣ была прочитана царская милостивая грамота, а на другой день псковичи заявили, что винятся и крестъ государю цѣловать готовы. 20 августа началось цѣлованіе креста и при этомъ снова вспыхнули волненія.

Псковичи накинулись на своихъ старостъ и лучшихъ людей, зачѣмъ они цѣловали крестъ противъ «статей» крестоприводной записи, въ которыхъ говорилось о разбояхъ въ уѣздахъ.

— Кто въ уѣздахъ помѣщиковъ побивалъ, тотъ бы и крестъ цѣловалъ, — кричали псковичи, — а мы не хотимъ.

Нѣкоторые изъ «заводчиковъ» и въ ихъ числѣ «попъ Евсей» стали кричать, что крестъ цѣловать не надобно и говорили про государя рѣчи «уму человѣческому невмѣстимыя». Рафаилъ уговорилъ, однако, этихъ протестантовъ, но попъ Евсей съ другими священниками такъ и отказался подписывать повинную. Они въ самомъ дѣлѣ не были повинны въ разбояхъ и изъ чувства самосохраненія не хотѣли виниться въ несовершенныхъ преступленіяхъ.

«Хлѣбный бунтъ прекратился. Рафаилъ отъ имени государя объявилъ прощеніе виновнымъ, но псковскіе богачи стали ловить и сажать въ тюрьму главныхъ виновниковъ возстанія. Между другими былъ пойманъ и «егорьевскій попъ Фирсъ», который съ «шишами» ходилъ въ уѣзды, воевать помѣщиковъ. Воевода князь Львовъ, конечно, былъ на сторонѣ мѣстной аристократіи.

Зарождалось новое движеніе, но такъ и не зародилось. Заговорщики начали было ходить «скопомъ и съ ружьемъ», говорить смутныя слова, но восемь главныхъ заводчиковъ были увезены въ оковахъ въ Новгородъ, и все затихло. Царь созвалъ участниковъ собора «о псковскомъ воровскомъ заводѣ» и объявилъ имъ, что псковичи повинились и получили отпущеніе винъ. О заточенныхъ въ новгородскую тюрьму, конечно, не было упомянуто. Въ день Покрова за праздничнымъ столомъ у царя были «псковскіе страдники» — Хованскій, Мещерскій и другіе, бывшіе подъ Псковомъ дворяне. Былъ вызванъ въ Москву и Нумменсъ, имѣвшій аудиенцію у царя, щедро одаренный и отпущенный домой.

*
* *

Новгородскій «хлѣбный» бунтъ, во многихъ отношеніяхъ былъ повтореніемъ Псковскаго и, быть можетъ, отчасти даже навѣянъ именно примѣромъ Пскова. Вслѣдствіе однородности этого движенія съ псковскимъ — оно и излагается въ болѣе сжатомъ видѣ.

Тревожные слухи объ «измѣнничьихъ» намѣреніяхъ Морозова, такъ сильно возбуждавшіе псковичей, ходили и среди новгородцевъ. Болтовня о томъ, будто нѣмцы готовы идти походомъ на Новгородъ и ждутъ только доставки отъ «собиннаго» ихъ друга Морозова царской казны, при всей ея невѣроятности, не могла не вселять извѣстной тревоги среди низшихъ слоевъ населенія.

При непрерывныхъ сношеніяхъ Пскова съ Новгородомъ, вѣсти о псковской «замятнѣ» должны были придти въ Новгородъ довольно скоро — черезъ нѣсколько дней, и новгородскій бунтъ возникъ какъ разъ въ моментъ затишья во Псковѣ — 15 марта.

Почва для движенія, очевидно, была уже достаточно подготовлена и требовался только хоть какой-нибудь поводъ къ открытому выступленію.

По игрѣ случая, поводомъ къ бунту было событіе, одинаковое съ Псковомъ: появленіе «нѣмчина» съ государевой казной.

Не только Швеція, но и Данія часто закупала въ Россіи хлѣбъ по особому разрѣшенію московскаго правительства. По просьбѣ датскаго короля Фредерика III, царь Алексѣй Михайловичъ разрѣшилъ въ 1650 году датскому послу Иверу Краббе купить въ Архангельскѣ для отправки въ Данію 10.000 пудовъ пшеницы. По несчастной случайности, Краббе ѣхалъ изъ Москвы въ Архангельскъ черезъ Новгородъ съ «толмачемъ» Нечаемъ Дрябинымъ.

Пріѣздъ нѣмцевъ былъ для новгородцевъ оче-

виднымъ подтвержденіемъ слуховъ о посылкѣ изъ Москвы казны «за рубежъ». Народъ сталъ собираться и толковать. Разсказывали, что какой-то Григорій Аминевъ сообщалъ, будто «на Христовъ день» придутъ подъ Новгородъ нѣмцы и что къ тому времени велѣно «богатымъ людямъ и всѣмъ православнымъ христіянамъ вино курить и пива варить» чтобы «нѣмцамъ итти на пьяныхъ людей». Пріѣхавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ Краббе псковской помѣщикъ Перетрутовъ говорилъ, будто-бы пріѣхалъ въ Новгородъ «нѣмчинъ риженинъ» съ грамотой, въ которой ему велѣно покупать хлѣбъ дорогою цѣной*) «и тотъ хлѣбъ провадить къ Архангельскому городу а оттолева за рубежъ». Тому-же «нѣмчину» поручено было, будто-бы, «покупать около Новгорода овесъ и сѣно и солому и всякій обиходъ да за рубежъ провадить». Покупка хлѣба «дорогою цѣной» неизбѣжно должна была повлечь за собою повышеніе цѣны на хлѣбъ вообще, къ которому такъ чутко относились всегда малоимущіе классы. Самъ «толмачъ» Дрябинъ и тотъ увѣрялъ, что Краббе везетъ московскую казну къ нѣмцамъ.

Разговоры перешли въ площадные крики; особенно старались двое новгородскихъ посадскихъ — Трофимъ Волкъ и Елисей Лисица. Новгородцы быстро рѣшили по-своему расправиться съ нѣмцами. Успѣвшій уже выѣхать изъ города Краббе былъ задержанъ и жестоко избитъ. Казавшееся царскою казною его личное имущество было отобрано. Подъ звонъ «сполошнаго колокола» были разгромлены въ Новгородѣ дома нѣкоторыхъ купцовъ... Разбушевавшіеся «воры гилевщики» и слушать не хотѣли увѣщаній боярскихъ дѣтей и стрѣлецкихъ головъ, высланныхъ воеводой княземъ Хилковымъ и митрополитомъ Никономъ.

На другой день «гиль» (бунтъ) продолжался.

---

*) Какъ походитъ это на грамоту Емельянову о той-же дорогой цѣнѣ!

— Государь объ насъ не радѣетъ, деньгами подмогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмецкія земли! — кричали бунтовщики.

Мѣстныя власти были безсильны и въ тотъ-же день возставшіе организовали, какъ и во Псковѣ, временное правительство, засѣдавшее въ земской избѣ. Во главѣ его сталъ митрополичій приказный Иванъ Жегловъ, освобожденный толпою изъ тюрьмы.

17 марта новое обстоятельство подлило масла въ потухавшій уже огонь. Митрополитъ Никонъ съ церковной каѳедры проклялъ всѣхъ членовъ новаго «правительства». Но эта анаѳема не оказала желаннаго дѣйствія; напротивъ, новгородцы озлобились на митрополита.

— Государь на свой ангелъ жалуетъ, изъ тюремъ виноватыхъ людей распускаетъ, а митрополитъ въ такой праздникъ проклинаетъ! — роптали въ народѣ.— Проклинаетъ онъ не одного Молодожника и Лисицу (члены «временнаго правительства»), а и всѣхъ новгородцевъ — у нихъ у всѣхъ одна дума!

Черезъ день, при неутихавшихъ волненіяхъ, оказался поводъ къ нападенію и на самаго митрополита. Приставъ Гаврила Нестеровъ сталъ кричать по городу, что митрополитъ и воевода измѣнники. Его арестовали, по обычаю, избили и посадили въ тюрьму. Народъ, узнавъ объ этомъ, двинулся на выручку. Нестеровъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы и показалъ на спинѣ слѣды истязаній... Толпа выломала двери митрополичьяго дома и ворвалась въ него. Никонъ въ письмѣ къ царю разсказывалъ, что бунтовщики его «ухватили со всякимъ безчиніемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь расшибли, по бокамъ били кулаками и камнями». Еле-еле отпросился митрополитъ у бунтовщиковъ въ церковь, чтобы отслужить обѣдню и назадъ вовсе ужъ больной «приволокся».

Совершивъ такое «злое дѣло», бунтовщики стали раздумывать, какъ-бы «избыть» наказанія за него. Нѣкоторые были-бы не прочь поскорѣе «утушить»

все движенie, но во главѣ его стояли ратные люди-стрѣльцы и по-неволѣ приходилось ихъ слушаться

— Навести намъ на себя за нынѣшнюю смут такую-жъ бѣду, какая была при царѣ Иванѣ! — открыто печаловались нѣкоторые.

Однако, и сами стрѣльцы, и «временное прави тельство» начали принимать мѣры къ тому, чтоб дать дѣлу возможно мирный оборотъ. Прежде всег разставили по улицамъ стражу, чтобы не было гра бежей и разбоевъ. Потомъ написали «одиначну запись», чтобы дворяне и боярскiя дѣти стояли з одно съ бунтовщиками — не пропускать заграницу н казны, ни хлѣба. Дворяне заявили, что согласн подписать обыкновенную челобитную объ этомъ, н не такой революцiонный актъ, какъ «одиначная за пись». Возникло было движенie противъ дворянъ, н его во-время остановили и послали царю челобитну вмѣстѣ съ дворянами, чтобы царь пожаловалъ ихъ и не велѣлъ хлѣба и казны за рубежъ пропускать Одновременно собраны были жалобы и на воевод съ митрополитомъ. Воевода былъ виновенъ и в томъ, что «шведскимъ людямъ» норовитъ, допускает возить къ нимъ съѣстные припасы, печатаетъ печ въ избахъ и не даетъ ихъ топить, подговорил Никона проклясть новгородцевъ. Митрополитъ был виновенъ въ томъ, что хотѣлъ перестраивать Софiй скiй соборъ, мучилъ нѣкоторыхъ людей и «выму чивалъ» съ нихъ деньги и вообще чинилъ «многi неистовства и великую смуту».

Но прежде чѣмъ новгородцы доѣхали въ Москв съ челобитьемъ, тамъ уже не только знали о со бытiяхъ, но и послали съ дворяниномъ Соловцовым грамоту, чтобы новгородцы выдали заводчиковъ.

По установленному приказною практикой обычаю посолъ долженъ былъ сначала сказать «государев увѣщательное слово», являвшееся въ сущности тек стомъ грамоты съ незначительными редакцiонным измѣненiями, а затѣмъ уже читать и самую грамоту

Соловцовъ такъ и поступилъ, но новгородцамъ, боявшимся московской расправы, это показалось очень подозрительнымъ.

— Ты откуда вѣдаешь, что въ государевой грамотѣ писано? — закричали они. — Воровская грамота! У насъ воровъ нѣтъ: все добрые люди, а стоять всѣмъ за одно за государя!

Какъ ни пытались Никонъ съ воеводой Хилковымъ уговорить сомнѣвающихся — ничто не помогло. Всѣ были увѣрены, что грамота «воровская» — значитъ идетъ отъ Морозова, и самъ Соловцовъ — морозовскій человѣкъ... Въ концѣ-концовъ Соловцовъ былъ арестованъ, пока не вернутся новгородскіе челобитчики.

Между тѣмъ, 20 марта послѣдовалъ царскій указъ, чтобы князю И. Н. Хованскому идти на Новгородъ съ войскомъ, собирая изъ окрестныхъ областей дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Арестовавъ Соловцова, бунтовщики рѣшили все-таки составить одиначную запись и стали приневоливать силой къ подписи подъ нею. Никонъ и Хилковъ всячески противились этому и тогда снова поднялись крики на Хилкова: хотѣли у него отобрать и царскую казну, и «зелейные» запасы, и пушки ставить по стѣнамъ. Но дѣло такъ и замерло на разговорахъ.

Никонъ усиленно уговаривалъ новгородцевъ покориться, но добился только освобожденія Соловцова.

Къ серединѣ апрѣля Хованскій былъ уже у стѣнъ Новгорода и по царскому указу сталъ посылать людей для уговора бунтовщиковъ. Тѣ противились первое время. Сапожникъ Елисей Лисица говорилъ:

— Мы бояриина, князя Хованскаго, въ городъ не пустимъ. А коли немѣра какая будетъ, то мы, взявъ знамена и барабаны, пойдемъ всѣ во Псковъ.

Но настроеніе среди мятежниковъ сильно упало. Избранные ими члены «временнаго правительства» оказались людьми слабыми. Жегловъ списывался съ

Хованскимъ и звалъ его вступать въ Новгород
Насколько упало вообще «бунташное» настрое
среди новгородцевъ, видно изъ письма Никона к
царю, что въ Новгородѣ «сильно плачутся о мим
шедшемъ своемъ къ тебѣ согрѣшеніи», что къ Нико
«всѣмъ городомъ приходили не по одинъ день
прощенія просили». Освобожденный бунтовщика
изъ тюрьмы боярскій сынъ Ѳедоръ Негодяевъ-
вовсе сбѣжалъ въ Москву и хотя нажаловался та
на митрополита, но за то и принялъ порученіе уг
варивать бунтовщиковъ покориться.

17 апрѣля царь послалъ въ Новгородъ отвѣ
на челобитную, въ которомъ говорилось, межд
прочимъ: «а что пишите о перемѣнѣ окольничья
князя Хилкова — то мы его перемѣнить велѣли
указали быть въ Великомъ Новгородѣ боярину нашем
князю Ю. П. Буйносову-Ростовскому». Черезъ т
дня — 20 апрѣля — пришло въ Москву извѣстіе о
Хованскаго, что «гиль» кончился и новгородцы п
корились.

Съ 24 апрѣля въ Новгородѣ начался сыск
Оскорбитель Краббе — Волкъ былъ казненъ. Но з
тѣмъ сыскное дѣло шло медленно: боялись, ч
псковичи узнаютъ о казняхъ и ожесточась, не пр
несутъ повинной. Тормозилъ дѣло и Никонъ, мно
порадѣвшій о томъ, чтобы бунтъ утишился. Угов
ривая мятежниковъ, онъ, по собственному признані
ручался въ царской милости, «а если-бы не та
уговаривалъ, то всѣ-бы отчаялись за свое плуто
ство и на большее-бы худо вдались». Осторожнос
простиралась до того, что виновныхъ въ «воровств
стрѣльцовъ не подвергали тюремному заключенію,
отдавали на поруки.

Но въ Москвѣ не особенно были склонны мил
вать и выполнять митрополичьи «ручательства»: пр
говоръ по дѣлу о бунтовщикахъ былъ доволь
жестокъ. Однако, его оставили безъ выполненія
спустя нѣкоторое время пришелъ изъ Москвы новы

болѣе мягкій указъ: четверыхъ нещадно бить кнутами, троихъ — батогами, а остальныхъ — наказать и освободить на поруки.

На томъ и кончился новгородскій «хлѣбный» бунтъ. Не добившись прекращенія отпуска хлѣба заграницу, мятежники не добились и другой «цѣли» движенія, если только можно такъ называть фантастическія представленія по поводу казны Краббе,— но все-же они добились смѣны воеводы и въ этомъ отношеніи движеніе въ Новгородѣ было удачнѣе московскаго, кончившагося ничѣмъ.

«Хлѣбные» бунты, какъ мы видѣли, не были направлены непосредственно противъ личности Морозова. Но непонятныя для простого народа и нарушавшія его интересы распоряженія московскаго правительства по скупкѣ хлѣба «дорогою цѣною» и отпуску его заграницу, — были приписаны никому другому, какъ «измѣннику» Морозову. И какъ въ 1648 году въ Москвѣ, народъ противопоставлялъ имени Морозова — того-же народнаго доброхота боярина Никиту Романова. Не измѣнились народныя симпатіи, но осталась неизмѣнною и ненависть къ «временнику».

III

Мѣдный бунтъ.

1662 г.

Послѣ Новгородскаго и Псковскаго возста
прошло немного болѣе десяти лѣтъ, какъ возни
новое народное движеніе. Морозовъ былъ все жи
еще, хотя уже и не участвовалъ въ дѣлахъ п
вленія. Онъ хворалъ и рѣдко выходилъ изъ свое
дома. «Однако-жъ и тутъ все была у него такая
жадность къ золоту, какъ обыкновенно жажда пит
читаемъ у Майерберга. Государь по-прежнему цѣн
совѣты «дядьки» и частенько навѣщалъ его. Во в
тренней политикѣ сохранялось прежнее «морозовск
направленіе, съ тою только разницею, что од
«временникъ» былъ уже сытъ и передалъ свою вла
Милославскому, еще насыщавшемуся. Народу не ста
лучше отъ этой перемѣны: напротивъ — жизнь ста
еще труднѣе, вслѣдствіе открывшихся военны
дѣйствій.

Въ годъ начала изнурительной войны съ По
шей — 1653 — въ Москвѣ свирѣпствовала моро
язва. Возникли было волненія на почвѣ произ
дившагося Никономъ непонятнаго массамъ испр
вленія книгъ, но быстро погасли: эпидемія не щад
ни правыхъ, ни виноватыхъ.

Народныя силы были отвлечены войной, присоедивенiемъ Малороссiи и народныхъ волненiй внутренняго, такъ сказать, «противоправительственнаго» характера не было. Боялись народныхъ волненiй въ 1660 году, послѣ пораженiя русскихъ войскъ подъ Конотопомъ, но и на этотъ разъ миръ не былъ нарушенъ, чаша народнаго терпѣнiя не была еще полна.

Однако, война все длилась и правительство было вынуждено прибѣгать къ экстреннымъ финансовымъ мѣрамъ. Ни новыя подати, ни сборы съ торговыхъ людей не давали возможности уплачивать жалованье многочисленнымъ ратнымъ людямъ. Денежныхъ знаковъ и такъ было немного въ обращенiи, а тутъ — при экстренномъ спросѣ на нихъ, вызванномъ войною, — нужда въ нихъ стала еще острѣе.

Одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей эпохи, основатель «вольной академiи наукъ» при Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ — Θедоръ Михайловичъ Ртищевъ — нашелъ способъ выручить царя изъ бѣды. По его совѣту, правительство выпустило въ обращенiе «мѣдныя ассигнацiи» — мѣдныя копѣйки, ходившiя по одной цѣнѣ съ серебряными. При помощи этихъ «мѣдныхъ ассигнацiй», восполнявшихъ недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, правительство могло-бы пережить трудное время польской войны.

Надо замѣтить, что московское правительство получало серебро изъ-заграницы «прутовое и тянутое», или просто пользовалось тѣми серебряными «ефимками», которые привозили съ собою для торговыхъ оборотовъ иностранные купцы. Съ воспрещенiемъ-же англичанамъ, по настоянiю русскаго купечества, торговать въ Россiи, притокъ серебра уменьшился.

Своего серебра въ Россiи не было. «Хотя въ хроникахъ и пишутъ, что Русская земля на золото и серебро урожайная, однако сыскати не могутъ, а когда и сыщутъ — и то малое, и къ такому дѣлу московскiе люди не промышлены», говоритъ Кото-

шихинъ, объясняя, что иностранные горнопромышлен-
ники не хотятъ искать въ Россіи серебра именно
потому, «что много потеряютъ на заводъ денегъ,
а какъ они свой разумъ окажутъ, и потомъ ихъ
ни во что промыселъ и заводъ поставятъ и отъ
дѣла отлучатъ».

При такомъ положеніи, не было исхода внѣ
ассигнацій, хотя-бы и мѣдныхъ.

Это дѣло пошло, однако, «кривымъ путемъ».
Первоначально, какъ справедливо говоритъ Майер-
бергъ, «никто и не чувствовалъ убытка» отъ введенія
ассигнаціоннаго обращенія. Этого «убытка» и не
было-бы, если-бы московскіе финансисты той эпохи
хоть сколько-нибудь понимали законы ассигнаціоннаго
обращенія, но въ ту пору эти законы были еще
невѣдомы и въ самой Европѣ. Въ концѣ-концовъ
попытка ввести ассигнаціонное денежное обращеніе
все-равно должна была привести къ неудачамъ и
печальному концу при общемъ безпорядкѣ русскаго
денежнаго обращенія. Обычная недобросовѣстность
администраціи только ускорила наступленіе этого
конца и обострила положеніе до размѣровъ страшнаго
экономическаго бѣдствія.

«Безубыточныя» въ началѣ, мѣдныя деньги очень
быстро «одешевились»: черезъ годъ послѣ ихъ вы-
пуска, съ 1658 г., началось пониженіе цѣны мѣд-
ныхъ денегъ противъ серебряныхъ, дошедшее къ
1663 г. до того, что за серебряную копѣйку нало
было платить 15—16 мѣдныхъ копѣекъ, а слѣдо-
вательно и всѣ товары сильно подорожали.

Правительство желая стянуть въ казну воз-
можно больше серебра, взимало налоги серебряными
деньгами, а само старалось платить мѣдными. На
этой почвѣ возникало не мало всевозможныхъ слу-
ховъ, недоразумѣній и недовольствъ. Бывшіе на
войнѣ ратные люди вовсе не охотно брали мѣдныя
деньги, которыя не такъ легко ходили въ обращеніи,
какъ серебряныя. Богатые люди, подражая прави-

ельству, тоже старались уложить въ свои скрыни подвалы какъ можно больше серебра. Серебряныхъ енегъ стало ходить въ народѣ очень мало, что не огло не вызывать подозрѣній. Но главною прииной столь быстраго пониженія покупной способности ѣдныхъ денегъ явились неизбѣжныя злоупотребленія. отошихинъ подробно описываетъ въ своемъ сочиеніи эти злоупотребленія. «На Москвѣ и въ городѣхъ» объявилось откуда-то множество «воровскихъ» ѣдныхъ денегъ, т. е. фальшивой монеты. По слуамъ, ее привозили даже изъ-заграницы. Людей, мѣвшихъ эти деньги, «хватали и пытали всячески, дѣ они тѣ деньги имали; и они въ денежномъ воровствѣ не винились, а сказывали, что отъ людей имали, ь деньгахъ не знаючи». Притокъ «воровскихъ денегъ» не прекращался, такъ какъ это было очень ыгоднымъ дѣломъ. По словамъ Майерберга, изъ оличества мѣди, стоившаго 1 р. 60 коп., мѣдной онеты чеканилось на 100 рублей. Было обращено собое вниманіе на тѣхъ денежныхъ мастеровъ и тейщиковъ, которые до появленія мѣдныхъ денегъ или «небогатымъ обычаемъ, а при мѣдныхъ деньгахъ споставили себѣ дворы, каменные и деревянные, и латье себѣ и женамъ подѣлали зъ боярскаго обычая», также начали скупать «дорогою цѣною, не жалѣя енегъ», серебряную посуду и съѣстные припасы. акимъ путемъ удалось выслѣдить многихъ фальшивоонетчиковъ, которые «денегъ своего дѣла выдали всякія покупки не малое число», а сверхъ того одавали и чеканы для поддѣлки монеты «многимъ юдямъ». Виновныхъ безпощадно казнили, заливали мъ горла расплавленнымъ металломъ, «отсѣкали уки и прибивали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ». о словамъ Майерберга, въ декабрѣ 1661 года въ дпихъ московскихъ тюрьмахъ сидѣло до 40 фальшивоонетчиковъ.

Но и казни не помогали. Богатые «воры» откуались отъ судебнаго преслѣдованія, давая «на Москвѣ

посулы большіе» боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому, думному дворянину Матюшкину и прочимъ дьякамъ и подъячимъ. Когда и это стало извѣстнымъ правительству, былъ произведенъ сыскъ, но въ результатѣ пострадали одни «меньшіе люди»: ихъ казнили и ссылали, а главари почти не пострадали — Матюшкинъ только былъ «оставленъ прочь отъ Приказу». На Милославскаго «царь былъ долгое время гнѣвенъ», оставляя его, однако, въ занимаемыхъ должностяхъ. Эти злоупотребленія вызвали, какъ и всякая порча денегъ, сильный экономическій кризисъ, на который отовсюду понеслись жалобы. Правительство рѣшило разслѣдовать дѣло и въ началѣ 1662 года поручило боярамъ Стрѣшневу и Милославскому съ дьяками допросить московскихъ обывателей разныхъ сословій о причинахъ «настоящей дорогови» (доровизны), о томъ, откуда добыть серебра «и отъ чего на Москвѣ и въ городѣхъ хлѣбъ и всякіе харчевые запасы и товары стали дороги».

Собранныя боярами «сказки», сборъ которыхъ, кстати сказать, затянулся до 1663 года, нарисовали яркую картину экономической разрухи. «Учинилась въ московскомъ государствѣ и во всѣхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ великая безмѣрная дороговль хлѣбная и соляная и всякая харчь и всякіе товары и то учинилось не отъ хлѣбнаго недороду и соленаго промыслу, но отъ мѣдныхъ денегъ», читаемъ въ одной изъ сказокъ. «Ожидаемъ себѣ отъ мѣдныхъ денегъ конечныя нищеты», читаемъ въ другой. «Отъ мѣдной деньги въ конецъ оскудѣли», заявляютъ третьи въ своей сказкѣ. По удостовѣренію тѣхъ-же сказокъ, «въ прежнихъ лѣтахъ мочно было мастерскому человѣку и съ женою быти сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастерскому человѣку одного хлѣба саму другу надобно на 20 алтынъ».

И не видѣлось конца этой «дороговлѣ»: мѣдныя деньги все падали въ цѣнѣ, и значитъ неизбѣжно должны были возвышаться цѣны продуктовъ. Съ

сентября по 1 декабря 1662 года за серебряный рубль платили 3 мѣдныхъ, въ слѣдующіе три мѣсяца его цѣна возросла до 4 мѣдныхъ рублей, къ 1 іюлю— до 6 рублей, а къ 1 сентября 1663 года — до 8 рублей. Въ теченіи одного года мѣдныя деньги понизились въ цѣнѣ въ $2\frac{1}{2}$ раза...

Правительство рѣшило пополнить недостатокъ въ благородныхъ металлахъ слѣдующимъ путемъ: покупать у разныхъ лицъ товары на мѣдныя деньги, продавать ихъ иноземцамъ на золото и серебро. На эту операцію въ 1662—1663 гг. было затрачено .432.000 рублей мѣдныхъ денегъ, но и это, очевидно, не могло помочь бѣдѣ и не дало возможности общество христіанское видѣть безъ оскорбленія» отъ непомѣрной дороговизны.

Наступилъ 1662 годъ. Безнаказанность потакавшаго фальшиво-монетчикамъ царскаго тестя Милославскаго не могла не волновать народъ. Всѣмъ видно было, какъ разбогатѣлъ Морозовъ, имѣвшій кромѣ крупнаго денежнаго капитала, до двадцати тысячъ душъ крѣпостныхъ. Богатѣлъ и Милославскій тѣмъ-же «морозовскимъ» путемъ неправдъ и насилій. По словамъ Майерберга, Илья Данилычъ «постарался» выпустить фальшивой монеты «для себя на 120.000 рублей». Цифра, быть-можетъ, и преувеличена, но Майербергъ, несомнѣнно, отъ кого-нибудь слышалъ о ней. Событія 1648 года были еще у всѣхъ въ памяти и сравнительный успѣхъ этого «гиля» невольно внушалъ мысль — вновь обратиться къ царю со всенароднымъ челобитьемъ.

На Святой недѣлѣ понеслись въ Москвѣ какіе-то темные слухи о готовящемся «гилѣ». Дьячекъ Алексѣевскаго монастыря Демка Филиповъ вскорѣ послѣ Святой слышалъ отъ священниковъ, дьякона и монахинь, что «чернь-де сбирается и чаятъ быть погрому двору боярина Ильи Даниловича Милославскаго да гостя Василья Шорина и иныхъ богатыхъ людей за измѣну въ денежномъ дѣлѣ». Московскимъ вла-

стямъ эти слухи казались, вѣроятно, вздорными, если они и знали о нихъ. Не было принято никакихъ мѣръ предосторожности, хотя болѣе проницательные люди предвидѣли уже надвигавшуюся грозу. «Мы все боялись, — пишетъ Майербергъ, — чтобы вынужденный отчаяніемъ народъ, всегда и безъ того уже готовый возмутиться по своей наклонности къ мятежамъ, не поднялъ бунта, съ которымъ не легко будетъ сладить».

16 іюля государь отправился со всѣмъ своимъ «домомъ» въ «походъ» въ любимую лѣтнюю резиденцію — село Коломенское. Начальствовать надъ Москвою былъ оставленъ бояринъ князь Ѳ. Ѳ. Куракинъ съ другими боярами.

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда царя пошли по городу слухи, будто изъ Польши привезены какіе-то листы про измѣну царскаго окольничьяго Ртищева, а 25 іюля вспыхнулъ и «мѣдный бунтъ».

Котошихинъ считаетъ виновниками бунта товарищей «воровъ», которые были наказаны за то, что брали «посулы» съ фальшиво-монетчиковъ вмѣстѣ съ Милославскимъ и Матюшкинымъ. Эти-то «товарищи» и «умыслили написать на того боярина (Милославскаго) и на иныхъ трехъ воровскіе листы, чѣмъ-бы ихъ известь и учинить въ Москвѣ смуту для грабежу домовъ, какъ и прежъ сего бывало, бутто тѣ бояре ссылаются листами съ Польскимъ королемъ, хотя Московское государство погубить и поддать Польскому королю».

Правда, показаніе Котошихина не подтверждается другими источниками и во время сыска по дѣлу о бунтѣ авторъ «воровскаго листа» не былъ найденъ, но его разсказъ во всякомъ случаѣ вполнѣ правдоподобенъ.

25 іюля было днемъ праздничнымъ — именинами царевны Анны Михайловны. Рано утромъ на Срѣтенкѣ у церкви Троицы въ Листахъ собрался своего рода «митингъ» изъ людей «всякаго чину» для со-

вѣщанія о «пятинной деньгѣ». Это былъ наиболѣе тяжелый изъ налоговъ, собиравшійся на военныя нужды и главнымъ образомъ на содержаніе «нѣмецкаго строю» солдатъ — «рейтаръ». «Пятинная деньга» собиралась къ тому-же откупщикомъ — «гостемъ» Василіемъ Шоринымъ, замѣшаннымъ и въ дѣлахъ съ фальшивою монетой.

Совѣщаніе едва началось, какъ прохожіе изъ Кремля разнесли вѣсть, что на Лубянкѣ, у церкви на столбѣ, невѣдомо кѣмъ приклеено «письмо» или «листъ». Народъ давно уже ждалъ этого «письма», какъ внѣшняго повода къ движенію и потому совѣщавшіеся немедля направились смотрѣть «письмо».

Дѣйствительно, на Лубянкѣ, у церковной рѣшетки было прилѣплено воскомъ письмо «о дву столбцахъ» крайне несложнаго содержанія: «Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ».

Какъ видно изъ сыскнаго дѣла о бунтѣ, это «письмо» впервые было замѣчено сотскимъ Павломъ Григорьевымъ, который немедленно заявилъ о немъ по начальству — въ Земскій приказъ. Начальствующій надъ Москвою князь Куракинъ «съ товарищи» распорядился, чтобы дьякъ Аѳанасій Башмаковъ и дворянинъ Семенъ Ларіоновъ взяли и принесли «предъ бояръ» этотъ опасный документъ.

Ко времени ихъ прибытія на Лубянку, тамъ собралась уже большая толпа. Стрѣлецъ Матвѣевскаго приказа Куземко Ногаевъ читалъ вслухъ этотъ листъ и «кричалъ шумко, чтобы слушали всѣ». Ларіоновъ и Башмаковъ сорвали было письмо и хотѣли отвезти его «предъ бояры». Толпа бросилась за ними и всѣхъ громче кричалъ Ногаевъ:

— Вы то письмо не въ городъ (т. е. Кремль) отвезете, а къ боярину къ Ильѣ Данилычу Милославскому и тамъ дѣло такъ и изойдетъ. За то

воровское дѣло вы, православные христiане, всѣмъ мiромъ постойте, за одно.

Его крики подхватили и другiе:

— Вы везете письмо измѣнникамъ! Государя на Москвѣ нѣтъ, а письмо надобно всему мiру!...

Народъ остановилъ Ларiонова и Башмакова «за лошадь, и за ноги», и хотѣлъ отнять письмо. Сотскому Григорьеву кричали изъ толпы:

— Возьми у него письмо, а не возьмешь — каменями побьемъ!

Григорьевъ повиновался и взялъ у дьяка письмо, шепнувъ Башмакову, что принесетъ боярамъ съ него списокъ. Дворянинъ и дьякъ поскакали въ Кремль; народъ гнался за ними до самыхъ Спасскихъ воротъ.

Овладѣвъ письмомъ, толпа пожелала еще разъ выслушать его содержанiе. Принявшiй живое участiе въ началѣ бунта стрѣлецъ Ногаевъ схватилъ за воротъ державшаго въ рукахъ письмо Григорьева и снова привелъ его на Лубянку, къ церкви. Ногаевъ прочелъ письмо «на весь мiръ», взобравшись на лавку; затѣмъ чтенiе происходило у Земскаго двора. Здѣсь Григорьевъ отказался читать письмо и потому его читалъ Ногаевъ и какой-то подъячiй.

Сообразительный Григорьевъ хотѣлъ воспользоваться моментомъ, чтобы отобрать у толпы письмо и съ этою цѣлью приказалъ тяглецу своей сотни Лучкѣ Житкому взять письмо у подъячаго, что и было исполнено. Но бунтъ не утихъ. Окруживъ Житкаго, толпа рѣшила идти въ Коломенское, бить челомъ государю и передать ему обличающiй бояръ въ измѣнѣ документъ.

Хотя въ окружной царской грамотѣ о «мѣдномъ» бунтѣ, разосланной въ нѣкоторые города 26 iюля 1662 года, и говорилось, что «всякихъ чиновъ ратные и торговые и земскiе люди» не участвовали въ бунтѣ, но участiе именно «ратныхъ людей» было довольно виднымъ. Котошихинъ говоритъ, что въ «смятенiи» были «люди торговые и ихъ дѣти, и рейтары, и хлѣб-

ники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе, и гулящіе, и боярскіе люди», словомъ всѣ — кромѣ иноземцевъ.

Полковникъ стрѣлецкаго полка Агѣй Шепелевъ, узнавъ о бунтѣ въ церкви, во время обѣдни, тотчасъ-же явился къ Куракину и просилъ отправить его съ полкомъ въ Коломенское, но Куракинъ почему-то не согласился. Тогда Шепелевъ послалъ отъ себя людей въ Коломенское доложить о случившемся боярину С. Л. Стрѣшневу и получилъ царскій приказъ идти со всѣмъ полкомъ въ Коломенское. Но всего полка ему не удалось собрать, ибо «солдаты учинились непослушны».

Въ Серебряномъ ряду солдаты «выбивали» изъ всѣхъ лавокъ людей, требуя, чтобы они шли въ Коломенское. Уже въ первый приходъ бунтовщиковъ къ царю — съ «воровскимъ письмомъ» — въ толпѣ были не только солдаты, но и подпрапорщикъ Ломовцевъ, который размахивалъ чеканомъ и кричалъ. Многіе изъ солдатъ при допросахъ каялись, что шли съ толпою въ Коломенское.

Тяглецъ Тимошка Андреевъ, шедшій изъ Коломенскаго въ Москву и встрѣтившійся съ толпой, услыхалъ отъ нея такія рѣчи:

— На Москвѣ ослопьемъ всѣхъ забиваютъ. Идемъ въ Коломенское, чтобы измѣнниковъ побить, а будетъ кто учнетъ за измѣнниковъ стоять, мы и тѣхъ побьемъ. А самимъ намъ всѣмъ стоять другъ за друга и помереть всѣмъ за одно.

Государь съ семьей и боярами былъ еще въ церкви, когда пришли вѣсти о «гилѣ» (бунтѣ). Сообразивъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ боярамъ «схорониться», а перепуганной царицѣ съ дѣтьми запереться въ хоромахъ. Обѣдня шла своимъ чередомъ. «Гилевщики» съ Лучкой Житкимъ во главѣ, несшимъ на шапкѣ «письмо», подошли къ дворцу и криками вынудили государя выйти къ нимъ.

Нижегородецъ Мартемьянъ Жедринскій взялъ у Житкаго шапку съ письмомъ, поднесъ ее государю и сказалъ:

— Изволь, государь, то письмо вычесть предъ міромъ и измѣнниковъ привести предъ себя, великаго государя.

Остальные стали просить у государя измѣнниковъ-бояръ «на убіеніе».

Алексѣй Михайловичъ уговаривалъ толпу «тихимъ обычаемъ», чтобы они «шли къ Москвѣ, а онъ царь кой часъ отслушаетъ обѣдни, будетъ къ Москвѣ и въ томъ дѣлѣ учинитъ сыскъ и указъ».

Но толпу, быть можетъ, еще помнившую медленность исполненія обѣщаній 1648 года, не такъ-то легко было успокоить. Мятежники держали царя «за платье за пуговицы» и съ «невѣжествомъ» спрашивали:

— Чему вѣрить?

Государь «обѣщался имъ Богомъ», но и этого было мало: толпа хотѣла явнаго, болѣе прочнаго скрѣпленія царскаго обѣщанія учинить «сыскъ и указъ». И Алексѣй Михайловичъ «далъ имъ на своемъ словѣ руки, и одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей билъ съ царемъ по рукамъ».

Послѣ этого торжественнаго «рукобитья», успокоенная толпа двинулась обратно по московской дорогѣ. Въ Москву-же, чтобы успокоить народъ, спѣшно выѣхалъ по царскому порученію ближній бояринъ князь И. А. Хованскій.

Часть бунтовщиковъ, оставшаяся въ Москвѣ, бросилась тѣмъ временемъ къ дому сборщика «пятинной деньги» богатаго купца Василія Шорина. Самъ хозяинъ, прослышавъ про бунтъ, успѣлъ пробраться въ Кремль и спрятаться въ хоромахъ князя Черкасскаго. Начался грабежъ дома «измѣнника» и другихъ дворовъ, котораго не въ силахъ былъ остановить и примчавшійся князь Хованскій.

— Ты, Хованскій, человѣкъ добрый, — кричали ему «грабельщики»: — службы твоей къ царю противъ

Польскаго короля есть много и намъ до тебя дѣла нѣтъ. Пусть царь выдастъ головою измѣнниковъ-бояръ, которыхъ просимъ...

Хованскій уѣхалъ къ царю.

Тѣмъ временемъ, грабители поймали переодѣтаго сына Василія Шорина — мальчика пятнадцати лѣтъ, который хотѣлъ убѣжать изъ Москвы, и привели его въ городъ. Кому-то пришла въ голову мысль научить этого перепуганнаго юношу, чтобы онъ «сказывалъ, что отецъ его побѣжалъ въ Польшу вчерашняго дня съ боярскими листами».

Собралась новая пятитысячная толпа «воровъ», тоже направившаяся въ Коломенское.

Какъ только изъ Москвы ушли бунтовщики, стрѣльцы принялись ловить грабителей и «наловили тѣхъ грабельщиковъ больше 200 человѣкъ и отъ того унялся грабежъ». Затѣмъ бояре заперли Москву «по всѣмъ воротамъ кругомъ», никого не впуская и не выпуская.

Между тѣмъ обѣ толпы, шедшія изъ Коломенскаго и въ Коломенское, встрѣтились и, соединившись, двинулись къ царю. Маленькаго Шорина везли на телѣгѣ. Неподалеку отъ Коломенскаго толпа встрѣтила дворянина С. Л. Стрѣшнева и взбунтовавшіеся солдаты бросились было ловить его съ криками, что имъ и такіе люди «надобны». Бояринъ еле-еле спасся.

Бунтовщики подошли къ дворцу какъ разъ въ то время, когда царь уже садился на лошадь, чтобы ѣхать въ Москву. Молодой Шоринъ разсказалъ царю все, чему научили его мятежники, и былъ отданъ подъ арестъ. Толпа снова стала просить выдачи ей измѣнниковъ головами.

— Не дай погинуть напрасно! — кричалъ поднимая палку кузнецъ «гулящій человѣкъ» Мартынко Титовъ.

— Время нынѣ побить измѣнниковъ! — кричалъ «рейтаръ» Ѳедька Поливкинъ.

Царь отговаривался тѣмъ, что самъ ѣдетъ въ Москву для сыска.

— Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, сами учнемъ ихъ имать, по своему обычаю! — кричали бунтовщики «сердито и невѣжливо и съ угрозами».

Тѣмъ временемъ ратные люди пришли уже въ Коломенское. Царь «закричалъ» и велѣлъ мятежниковъ «бить и рубить и живыхъ ловить». Майербергъ разсказываетъ, будто царь закричалъ, обращаясь къ стрѣльцамъ: «Избавьте меня отъ этихъ псовъ!»

Безоружная толпа побѣжала въ ужасномъ безпорядкѣ; бунтовщикамъ «было противитися не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего ни у кого». Свыше ста человѣкъ утонуло во время бѣгства въ Москвѣ-рѣкѣ, около 7.000 человѣкъ было убито и взято въ плѣнъ, остальные успѣли разбѣжаться.

Котошихинъ говоритъ, что настоящихъ бунтовщиковъ было не болѣе двухсотъ человѣкъ, а остальные шли просто изъ любопытства, «и отъ того всѣ погинули, и правой и виноватой». Сыскное дѣло вполнѣ подтверждаетъ эти слова: многіе изъ арестованныхъ въ Коломенскомъ сознавались, что шли для любопытства — «гилю смотрѣть».

На другой день, 26 іюля, царь пріѣхалъ въ Москву и пойманныхъ стрѣльцами «грабельщиковъ» велѣлъ повѣсить.

Въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ подъ Москвой съ 26-го іюля началось слѣдствіе, очныя ставки и пытки надъ пойманными «гилевщиками». Вскорѣ начались казни — казнено было 12 человѣкъ, и ссылки съ предварительнымъ наказаніемъ — сослано 104 человѣка. Освобождено отъ наказанія лишь 22 человѣка. Въ числѣ подвергшихся наказаніямъ было до 50 человѣкъ ратныхъ людей, начиная съ начальниковъ и кончая рядовыми изъ татаръ. Между прочимъ, въ числѣ наказанныхъ оказались: попъ Иванъ, пойманный въ Коломенскомъ, дьячекъ Демка Филиповъ, рас-

пространявшій слухи о бунтѣ, трое служекъ Вятскаго Успенскаго монастыря (сосланы).

Но все-же это народное движеніе не осталось безрезультатнымъ: оно сильно повліяло на рѣшимость изъять изъ обращенія злополучныя мѣдныя деньги. «И умысля царь, — говоритъ Котошихинъ, — чтобъ еще чего межъ людьми о деньгахъ не учинилося, велѣлъ тѣ мѣдныя деньги отставить». Это было уже въ 1663 году. 11 іюня этого года послѣдовалъ указъ: «на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и во Псковѣ денежные мѣднаго дѣла дворы отставить», а «старой денежной серебрянаго дѣла дворъ на Москвѣ завесть». 15 іюня государь указалъ торговать на серебряныя деньги, а мѣдныя деньги отставить. 26 іюня вышелъ указъ, чтобы «мѣдныя деньги сливать, а не сливъ, деньгами никому у себя не держать».

Во время «мѣднаго бунта» Морозовъ былъ живъ еще, но въ ноябрѣ его не стало. Самъ государь хоронилъ его и слезно оплакивалъ.

* * *

«Мѣднымъ» бунтомъ и завершается группа народныхъ движеній, названная нами «Морозовщиною». Хотя въ послѣднемъ движеніи имя «временника» и не упоминалось уже, но за то на первомъ мѣстѣ стоялъ наслѣдникъ и продолжатель морозовской системы — Милославскій. Затѣмъ. «мѣдный» бунтъ и по самому характеру своему принадлежалъ къ той группѣ массовыхъ выступленій, направленныхъ противъ опредѣленныхъ административныхъ лицъ, которыми именно и охарактеризовалась «морозовщина». За нею послѣдовало движеніе новаго типа — «Разиновщина». Изъ борьбы съ отдѣльными лицами движеніе разрослось въ борьбу со всѣмъ государственнымъ строемъ, какъ-бы воскресило «программу» болотниковскихъ «листовъ».

Описанныя нами народныя движенія характеризу-ются, прежде всего, отсутствіемъ предводителей, в особенности московскіе бунты 1648 и 1662 гг. Толп вступаетъ въ дѣйствіе по общему почину, съ общаг голоса. Новгородскіе и псковскіе «заводчики» бунт не болѣе какъ «горланы» на сходкахъ, а не на стоящіе вожди, организаторы движенія.

Несомнѣнно противоправительственныя по свое цѣли, эти движенія остаются, однако, вполнѣ монар хическими, отнюдь не касаются колебанія основ высшей власти. Съ царемъ разговариваютъ съ «не вѣжествомъ», когда онъ уклоняется отъ выполнені народной воли, но лишь только онъ дѣлаетъ уступк какъ народъ довѣрчиво полагается «на ево госу дареву волю».

Крупнаго государственнаго значенія эти движе нія не имѣютъ и результатомъ ихъ является в среднемъ лишь смѣна чиновниковъ, да выдача двух изъ нихъ — явныхъ преступниковъ — на всенародну казнь. Никакихъ перемѣнъ въ ходъ государственно политики эти движенія не вносятъ и не могут внести.

Но при всей ничтожности результатовъ, эти дви женія оставляютъ слѣдъ въ народной психикѣ. Он раскрываютъ глаза на возможность активной борьб за свои права, вводятъ народъ на историческую сце въ качествѣ живой дѣйствующей силы.

Правда, длинный рядъ народныхъ движеній XV и XVIII вѣковъ ярко показываетъ сравнительну безплодность такого способа борьбы, но она обусло вливается уже особыми историческими причинами.

КОНЕЦЪ.

(Драма). **Вальтеръ-Скоттъ.** Ивангоэ. **Гамсунъ.** Исторія одной любви. **Гауптманъ.** Ткачи. (Драма). Потонувшій колоколъ. **Гете.** Фаустъ. **Гофманъ.** Разсказы. **Гриммъ.** Сказки и легенды. **Гюго.** Девяносто-третій годъ. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. **Додэ.** Маленькій приходъ; Тартаренъ изъ Тараскона. **Дю-Морье.** Трильби. **Зуттнеръ.** Долой оружіе. **Ибсенъ.** Брандъ. (Драма); Цезарь и Галилеянинъ. (Драма). **Конанъ-Дойль.** Подвиги бригадира Жерара; Баскервильская собака. **Куперъ.** Звѣробой. **Лихтенбергеръ.** Новый донъ-Кихотъ. **Лессингъ.** Натанъ Мудрый. **Лоранъ.** Сынъ Наполеона. **Маргеритъ.** Новыя женщины; Погромъ. **Меримэ.** Карменъ; Варѳоломеевская ночь. **Мопассанъ.** Гора Оріоль. **Прево.** Полудѣвы; Осень женщины. **Свифтъ.** Приключенія Гулливера. **Синклеръ.** Дебри. **Уайльдъ.** Саломея. — Вѣеръ лэди Уайндермеръ. **Францозъ.** Борьба за право. **Хаггардъ.** Она. **Шекспиръ.** Макбетъ; Юлій Цезарь; Шейлокъ; Отелло. **Шиллеръ.** Донъ-Карлосъ; Марія Стюартъ.

Иностранные поэты.

Спеціальная серія по 10 коп. за выпускъ.

Біографическій отдѣлъ.

Религіозные дѣятели: Лютеръ, протопопъ Аввакумъ, Іоаннъ Златоустъ, Янъ Гусъ и др. **Замѣчательные русскіе люди:** Богданъ Хмѣльницкій, Новиковъ, Суворовъ. **Художники:** Леонардо да Винчи (проф. Г. Сэайля), Рафаэль (Э. Мюнца), Рембрандтъ (Э. Верхарна), Рубенсъ (Г. Жеффруа), Микель-Анджело (Г. Кнакфуса), Беклинъ (Ф. Остини). **Проф. П. Кудрявцевъ.** Римскія женщины.

Исторія.

Мишо. Исторія крестовыхъ походовъ. **Э. Лависсъ.** Политическая исторія Европы. **Народныя движенія въ Россіи.** Разиновщина. — Стрѣлецкіе бунты. — Пугачевщина.—Бунты крѣпостныхъ — и др. **Проф. О. Пфлейдереръ.** Исторія религіи. **Исторія русскаго искусства. Исторія музыки.** Г. Лавуа. **Исторія танца.** Ф. де-Мениля.

Оперныя либретто.

Спеціальная серія по 10 коп. за выпускъ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

Выпуски 1908 года.

1. **Проф. Т. Грановскій.** Четыре характеристики. 10 к.
2. **А. Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. 10 к.
3. **В. Гюго.** Избранныя стихотворенія. 10 к.
4. **В. Шекспиръ.** Гамлетъ принцъ Датскій. 10 к.
5. 6. **М. Сервантесъ.** Донъ-Кихотъ Ламанчскій. 20 к.
7. **Народныя движенія въ Россіи.** I. Морозовщина 10 к.
8, 9, 10. **Р. Базенъ.** Умирающая земля. 30 к.
11. **В. Аловъ.** „Русскіе еретики" 10 к.
12, 13. **Д. де-Фо.** Робинзонъ Крузо. 20 к.
14. **Проф. П. Кудрявцевъ.** Римскія женщины. 10 к.
15. **М. Метерлинкъ.** Слѣпые. Внутри. Сестра Беатриса. 10 коп.
16, 17, 18. **Проф. А. Рамбо.** Исторія французской революціи. 30 коп.
19. **А. Марлинскій.** Наѣзды. 10 к.
20, 21. **Е. Марлиттъ.** Вторая жена. 20 к.
22. **М. Загоскинъ.** Кузьма Рощинъ. 10 к.
23. **А. Чирецкій.** Патріархъ Никонъ. 10 к.
24, 25, 26. **К. Байэ.** Исторія искусства. 30 к.
27. **А. Шнитцлеръ.** Подруга жизни. Зеленый попугай. 10 коп.
28, 29. **Г. Бичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. 20 к.
30. **Г. Флоберъ.** Иродіада. Сказаніе о Юліанѣ Милостивомъ. 10 к.
31. **П. Чайковскій.** Либретто оперъ. 10 к.
32, 33. **В. Шекспиръ.** Гамлетъ (съ примѣчаніями для постановки на сценѣ). 20 к.
34. **Е. Мюнцъ.** Рафаэль. Біографическій очеркъ. 10 к.
35. **Ф. Шиллеръ.** Избранныя стихотворенія. 10 к.
36. **Н. Римскій-Корсаковъ.** Либретто оперъ. 10 к.
37. **Слово о полку Игоревѣ.** (Классное изданіе). 10 к.
38. **Народныя движенія въ Россіи.** II. Разиновщина. 10 коп.
39, 40, 41. **Ренэ Базенъ.** Возрождающаяся земля. 30 к.

Типографія „Герольдъ", СПб. 7 рота, 26.